

Тимофей Костин

Печальная земля

Глава первая. Подземная одиссея

Черная стена береговых деревьев нависла над головой, и онемевшие ноги задели твердое песчаное дно. Наконец-то! Постанывая от облегчения, я протащил тяжелые обмякшие тела еще немного, потом, не в силах устоять, повалился на задницу и, пихаясь ногами, спиной вперед пополз к узкому пляжику, призывно светящемуся светлой полосой песка. Все так же придерживая буксируемых девиц за подбородки, чтобы они не захлебнулись, и нелепо извиваясь, я тяжело преодолел еще пару метров. Когда дно подступило совсем близко, мне пришлось отпустить одну и парой рывков выволочь их из воды по очереди, так, что девушки оказались навзничь лежащими на песке. На большее сил не осталось.

Я замер, не веря, что плавание, наконец, завершилось. Мелодично поплескивала крохотная волна, шумно отфыркивалась и кашляла неподалеку Алиса — видимо, она тоже добралась благополучно.

— Охо-хо-хо-хо-о-о-о... — выдохнув со дна души, я позволил натруженным мышцам

расслабиться. Бам. Песок под затылком оказался плотным, но неожиданно теплым по сравнению с водой. Неподвижность доставляла настолько острое, ни с чем не сравнимое наслаждение, что я помедлил пару секунд, борясь с желанием закрыть глаза и остаться так навечно.

Нет, положительно, приво́днись мы еще на пятьдесят метров дальше от берега — и выплыть бы не удалось.

Увы, как бы то ни было, на отдых тратить время было нельзя. Я сел — мышцы протестующе застонали — и похлопал по мягкой щеке черноволосую отличницу, каким-то чудом сохранившую свои круглые очки.

— Приплыли, милостивая государыня. Вы как, в целом?...

К счастью, она и так уже вышла из ступора: закашлялась, завозилась, перевернувшись на бок так, что мокрая растрепанная косичка вывалилась в песке, обхватила руками голову и завсхлипывала, сотрясаясь крупной дрожью.

— Ну-ну, чего уж теперь-то реветь... — пробормотал я, но, по-хорошему, времени на утешения не имелось. Вторая утопленница не шевелилась и не подавала признаков жизни, ободранное черное концертное платье обвило стройные ножки, подобно савану, четко очертив ремешок на бедре и пустую кобуру. Спутанная

воронья грива, заострившийся носик, тени от длинных ресниц на полупрозрачной коже... в памяти всплыла картина, которую я видел в Музее изящных искусств. Не хватало только равнодушного полицейского, раскуривавшего трубку над бессильно распростертым телом утопленницы. Нет, погодите...

Я перекатил неудачливую инсургентку животом себе на колено так, чтобы голова оказалась внизу. Зажурчала вытекающая изо рта вода. Ага, получилось.

Теперь — искусственное дыхание. Славен будь занудный семинар Красного Креста, который я прослушал по требованию отца перед первой археологической экспедицией, в которую он взял меня с собой!

Вернув девушку в исходное положение, я подтянул колени под себя, наклонился, набрав побольше воздуха. Мертвенно бледное личико оказалось прямо перед глазами, бледные губы раскрылись, подобно чайной розе. Не знаю, каким опытом могла похвастаться инсургентка, но мне пока еще не доводилось лезть с галльскими поцелуями к беззащитным красоткам. Как ни крути, а что-то в этом есть. В живых девушках отсутствует эта декадентски-романтическая перчинка, да и пощечину отвесить могут, в конце концов. То ли дело смиренные утопленницы.

Отогнав, впрочем, неприличные мысли, я положил правую ладонь на холодный лоб с прилипшими воронными прядями, и поднес ухо к губам девушки. Стук крови в висках и собственное хриплое дыхание мешали расслышать хоть что-то. Кажется, все-таки тихо. Мои мокрые щеки гладил прохладный бриз. Мешалось ли с ним легкое дуновение ее дыхания или нет — пойди, разбери. Черт. Но перестраховаться — не недобдеть.

Я снова поймал губами нежные лепестки, зажав пальцами правой руки ее носик.

Фу-у-у-ух!

Воздух пошел легко, и левая моя рука ощутила, как приподнялась грудная клетка пострадавшей.

Надо сказать, ладонь ощутила далеко не только это легкое движение — понимаете, сперва ей нужно было найти подходящее место, а это оказалось не так-то просто. Мягкие холмики, едва прикрытые тонким промокшим шелком, заставили ладонь стыдливо двинуться туда-сюда. Рельеф, рельеф... где же здесь равнина? Под шелком нащупались более плотные чашечки. Так, это будет мешать.

Я просунул руку вниз, между лопаток пациентки, где глубокий вырез здорово облегчал задачу, пошарил под тонким шелком. Ага, вот здесь. Щелк, тонкий крючок отцепился без

сопротивления, будто понимая его неуместность.

Уф. Спокойно, спокойно. Долой некрофильские мысли.

Глубокий вдох и новый выдох в неподвижные губы. Потом еще и еще. Перед глазами замелькали звездочки, и я мотнул головой, чтобы отогнать дурноту. Так, теперь непрямой массаж сердца. Выпрямившись, я положил вторую ладонь поверх первой — старавшейся, как видим, все не зря — и начал ритмично и быстро толкать податливую грудную клетку. Раз, два, три... десять... пятнадцать... тридцать. Ого, как прыгает!

Набрать воздуха. Выдохнуть раз. Другой. Выпрямиться, сложить руки. Раз, два, три...

На следующий раз, прежде чем проделать очередной цикл искусственного дыхания, я опять приблизил ухо и прислушался. Так, слабый, уже различимый шелест, неясный хрип. Отлично! Еще пару раз! Оставив непрямой массаж, я дул и дул, пока кашель и судорожно дернувшееся под моей рукой тело не подтвердили — чудо все же случилось. Жива. Хотя кто знает, может быть, вначале я просто не уловил слабого дыхания, и все мои героические спасательские танцы были вовсе и не нужны.

Инсургентка пошевелилась, согнула ногу — мокрый шелк сладострастно медленно соскользнул с гладкого колена — и уперлась дрожащей тонкой

рукой мне в грудь, будто защищаясь. Ресницы дрогнули, открыв мутный пока еще взор. Глаза сфокусировались на моем лице и внезапно расширились. Девушка еще раз сильно вздрогнула. Тонкие пальцы второй руки пошарили по груди, что-то ища, потом первая с неожиданной силой уперлась в мокрую ткань моего мундира. На этот раз осмысленно.

— П-пусти... не трогай меня!..

Вот и вся благодарность.

— Позволь спросить, Золтик, что это ты делаешь? — раздался за спиной слегка охрипший, но знакомый голос, полный ехидной укоризны. — Боже мой!.. Опять тискаешь девушек?! Где же дворянская честь?... Где совесть?! Раздел пятый, статья двадцать пять гражданского кодекса — сексуальные домогательства при отягчающих! Тебе что, мало одну меня облапать?!

— Вы решили отомстить, господин Немирович? — звучным голосом поддержала ее принцесса. — Конечно, она чуть вас не убила, но благородный человек не должен так поступать.

Алиса, естественно, не могла пропустить такой замечательный момент для скандала. Оглянувшись, я увидел не только ее, перегнувшуюся мне через плечо, чтобы ничего не пропустить, но и Грегорику, с ледяным выражением лица выжимавшую наполовину

обрезанный подол бального платья в шаге позади. На заднем плане неподвижно застыла телохранительница — ту, похоже, пикантная ситуация ничуть не заинтересовала.

— Объясни-ка это! — рыжая нахалка по-прокурорски вытянула руку, указывая на изящный кружевной бюстгальтер, валяющийся у меня на коленях. Черт, это улика.

— Подсудимый невиновен, — с достоинством ответил я, быстро убрав руку с груди инсургентки. — Проверял функцию дыхания, всего-навсего. Может быть, вы и удивитесь, дорогие леди, но людям случается захлебнуться в воде, а плавать наша разбойница не умеет, как я убедился. Несправедливые подозрения больно ранят мое отзывчивое сердце.

«Разбойница», явно борясь с головокружением, все же приподнялась, оперлась на локоть и прикоснулась кончиками пальцев к припухшим губам — ну, простите, леди, я старался, как умел, ведомый исключительно благими намерениями. Потом она увидела деталь своего туалета и тоже вперилась в меня яростным взглядом.

— Я бы поверила, если бы своими глазами не видела, как беззастенчиво ты ее лапал! «Отзывчивое сердце», ха! — сверкнула глазами Алиса. Черт, ей пыль в глаза не пустишь, знает

меня, как облупленного. — Я бы скорее согласилась утонуть, чем еще раз беспомощной попасть в твои грязные лапы. Думаешь, забыла, как ты шесть лет назад делал вид, что вытаскиваешь занозы, похотливец?!

— А кто тебе велел плюхаться попой на мой любимый кактус?... — завопил я, потрясенный несправедливостью до глубины души. — Мало того, что погубила Мамиларию симплекс, которую я собирался запустить в космос, так еще и застеснялась показаться доктору! Если бы не моя находчивость и та свечка, так бы и ходила сейчас, как дикобразиха!!!

— Ты бы посмотрел на свою рожу, когда капал горячим воском! Глаза сальные, ноздри раздуваются, слюни капаят... я чуть с ума не сошла от стыда! — мгновенно покраснев, завизжала Алиса. — Наверняка нарочно кинул кактус в кресло! А потом я три дня сидеть не могла, не говоря уж про психологическую драму!

— «Травму», наверное?... А дело в том, что у кого-то юбки слишком короткие. Нет, я в целом не против, но как у тебя теперь хватает совести мне гадости говорить? Это своему благодетелю-то? Я ведь тогда не только коллекционного кактуса лишился, но и «Кодак» ты мне раскокала! Пришлось объектив менять. Вот это называется драма, неблагодарная ты хрюшка!

— Вот!!! И еще запирается! Зачем тебе фотокамера потребовалась, скажи на милость?! Извращенец! Вуайерист!..

— Вуайеристы из-за угла подглядывают, а я честно, прямо и благородно. Да ты же сама пришла! Рыдала и просила спасти! Должен я был сохранить на память этот волшебный момент или как?!

Нашу привычную перепалку прервал приступ кашля. Инсургентка села на песке и уже протянула руку, чтобы отобрать у меня свой бюстгальтер, но вдруг зашлась рвущими душу мокрыми спазмами — слышно было, как клокочет у нее в легких. Потом она согнулась, и ее бурно вырвало озерной водой.

Покачав головой, я поднялся на ноги. Качнулся, упершись руками в колени и пережидая приступ головокружения, выпрямился и, небрежно перебросив бюстгальтер через плечо, как аксельбант, осмотрелся. Потом обратился к Алисе, которая, кажется, намеревалась ругаться и дальше, но внезапно отвлеклась на инсургентку, которой явно было нехорошо.

— В общем, оставь инсинуации. Не прогуливала бы лекций, узнала бы много интересного — и про искусственное дыхание тоже. Потерпевшая нахлебалась воды, и если бы не мои грязные лапы, все могло повернуться куда как хуже.

— Сам себя не похвалишь... — несмотря на мою очевидную правоту, огрызнулась Алиса. Но градус обличительности уже упал. Еще больше его снизила рассудительная реплика Грегорики, которая с присущей ей быстротой разобралась в ситуации:

— Давайте сойдемся на том, что намерения господина Немировича были благородными. *По преимуществу*, — это она специально выделила голосом. — Особенно, если не отвлекаться на детали. Алиса, я понимаю ваши чувства, но, наверное, и в самом деле несправедливо обвинять человека, который только что спас двух девушек, не умеющих плавать. Притом, что одна из них едва не взорвала его десять минут назад. Думается, маэстрина Ротарь должна быть ему благодарна... как и госпожа Госпич, конечно.

Очкастая девица, которая сжалась, сидя на песке, обняв себя за плечи и умело делая вид, что ее здесь вовсе нет, торопливо кивнула и пролепетала:

— К-к-крайне вам признательна... г-господин Н-немирович... — кажется, она попыталась выполнить книксен, забыв о том, что сидит, совсем смешалась и покраснела так, что слезы выступили на глазах.

— Не стоит благодарности, — махнул я рукой в ответ, едва скрывая удовлетворение.

Кажется, соскочил с крючка. Виват

принцессе! Это же надо, какая объективность — нет, положительно кровь императоров преисполнена справедливости и величия.

Неожиданно из-за спины Грегорики раздался еще один голос — ровный и холодный.

— Глупо позволять благородству перевесить здравый смысл.

А-а, горничная-телохранительница. Принцесса звала ее Хильдой, но интересно, каково, все же, ее полное имя? За всеми этими драками, беготней и стрельбой я так и не успел спросить. Да вряд ли бы она и ответила.

Грегорику, тем временем, повернулась к ней, и лицо ее приняло строгое выражение.

— Я согласна с тем, что госпожа Ротарь — заговорщица и преступница. Но ее руки так и не обогрились кровью, и у нас нет права ее судить. Все, что мы можем, это предать ее в руки правосудия... когда появится возможность.

Вот именно — когда появится. И если. Пока же, по общей логике, мы и сами практически преступники. Сомневаюсь, что принц Яков так легко забудет брошенное ему в лицо обвинение — он ведь немедленно ответил контробвинением. Конечно, с нашей точки зрения оно выглядело идиотским, но бог знает, что еще он выдумает, чтобы выкрутиться. Было очевидно, что недооценивать его не следует.

Что же касается пленницы, то горничная, кажется, не разделяла точку зрения хозяйки. Не дрогнув ни единым мускулом лица, он коротко ответила.

— Ненужная обуза, госпожа.

— Предлагаешь бросить ее обратно в озеро? — в голос Грегорики вернулся холодок. Ох, она же не выше меня ростом, как получается, что я смотрю на нее примерно с уровня колена? Счастлив, что не я ее оппонент. Сидевшая у наших ног инсургентка попыталась подавить очередной приступ кашля, угрюмо подняв глаза на принцессу, решающую ее судьбу. Впрочем, решение не заставило себя ждать.

Горничная, хотя и без особой охоты, склонила голову, повинувшись хозяйке.

— Как пожелаете, госпожа.

— Я сказала, чего желаю.

Еще бы — об эту скалу разобьется любой прибор. Принцесса явно не привыкла к возражениям.

Алиса, с опаской следившая за спором, решила, что пора вмешаться:

— Знаете, что-то холодно становится. Давайте разведем огонь, что ли?

В самом деле, прилипшая к телу мокрая одежда уже заставила и меня постукивать зубами, что же говорить про девушек. Самое время

погреться. Вот только милая Алиса забыла про один нюанс, о котором я не преминул напомнить:

— Лично я не балуюсь табаком. Может быть, кто-то другой из нас не чужд вредной привычки?

Взгляды, которыми меня прожгли, принесли бы больше пользы, если бы помогли высушить промокший мундир.

— Т-ты в компании приличных дам из высшего общества, Золтик, — прошипела Алиса. Похоже, она уже поняла, что все не так просто, и досадовала на свою ошибку. — Представляешь кого-то из нас с папиросой?

— Упаси боже. Простите за несправедливые и чудовищные подозрения.

— То-то же. Хотя, конечно... — она злобно зыркнула в сторону инсургентки, — ... некоторых можно представить и не только с папиросой, а с дымящейся бомбой, и с чем угодно неприличным.

Робко подала голос госпожа Госпич:

— ...У н-нас н-нет спичек?

В дрожащем голосе звучало поистине детское разочарование. Не хотелось расстраивать ее и дальше, но я развел руками:

— Увы. Ни спичек, ни зажигалок. Боюсь, даже кресала с огнивом не найдется. Да и странно было бы, раз мы только-только низверглись с дирижабля, где с огнем, как помните, было весьма строго.

Алиса задумалась, а потом просияла:

— Стой, а п-помнишь, как туземцы добывают огонь? Кремнем постучать о камень, чтобы искры?...

— У тебя есть камень? Или, может быть, быстренько найдешь? Я вижу вокруг только гранит, а с него в плане искропроизводства толку мало.

В самом деле, привыкшие к темноте глаза позволили разглядеть сосновый бор, протянувшийся вдоль берега, на который нам посчастливилось выбраться. Невысокие скалы, обрывающиеся в озеро, являли собой замшелый, потрескавшийся гранит, и стучать по ним было совершенно бесполезно.

— А еще, погоди, если деревяшечки потеряет друг об друга? — неуверенно предложила Алиса. — Вот индейцы же добывают огонь трением...

— Белому человеку сие искусство практически недоступно, — отрезал я. — Хотя попробуй, потри деревяшки, заодно и согреешься.

— Лучше я этой деревяшкой буду стучать тебе по башке, — огрызнулась она. — Вдруг ты придумаешь что-нибудь, вместо того, чтобы ехидничать. Заодно и согреюсь.

— Прошу, — я изящно поклонился, подставляя загривок. — Буду эротично стонать и попискивать.

Судя по хмуро сдвинувшимся бровям замерзшей, как и все остальные, Грегорики, воображаемая картинка ее не развеселила. Она заявила, почти не выдавая дрожи в голосе:

— Оставим шутки и п-подумаем позитивно. Какими вообще ресурсами мы обладаем?

— У меня есть у-увеличительное стекло, — подняла руку, как и подобает примерной ученице, очкастая зубрила.

— Вот только до утра мы околеем, как пить дать, — пробурчал я, шаря по карманам. Увы, там не нашлось ничего полезного, кроме универсального ножика-инструмента и тяжело оттягивавшего внутренний карман дневника. Вот, кстати, и пригодилась его герметичность. Знать бы заранее, сунул бы между страниц пару спичек. Увы — на бал ведь собирался, не в экспедицию.

— Тогда, может быть, вспомните, какие еще бывают способы добыть огонь? — теперь в голосе принцессы вместе с дрожью почувствовалось и легкое раздражение. А вот я бы на ее месте не спешил злиться — хотя бы из-за вопиющего гардеробного неравенства. Невесомый шелк вечерних платьев уже должен был начать подсыхать, в то время как толстое сукно моего мундира противно и тяжело облепило плечи и ноги, и греть хозяина решительно не собиралось. Правда, если говорить о том, как именно облепляют тело

различные ткани в мокром виде... хм... шелк имеет ряд несомненных преимуществ. Я с большим трудом отвел глаза от высокой груди принцессы и заговорил деловым тоном.

— Почти все методы огнедобычи требуют либо солнца, либо специальных устройств, которых у нас нет. То же трение дерева по дереву — это только кажется просто. На самом деле нужна твердая высушенная палка, на которую сгодится не каждая порода, веревочный лук и хороший трут...

— Есть сталь.

Телохранительница положила руку на рукоять короткой шпаги, блестящее владение которой недавно продемонстрировала.

— Умница, Брунгильда!.. — удовлетворенно, как будто задача уже была решена, воскликнула принцесса. Жаль было ее разочаровывать, но...

— ...Но стучать шпагой по граниту бессмысленно, только клинок тупить. Впрочем, не позволите ли... — я протянул руку, указывая на кобуру, которая отчетливо рисовалась на крутом бедре высокой телохранительницы. На балу кобуру успешно маскировала короткая, но пышная юбка из плиссированного черного газа, но теперь облепившая тело мокрая ткань с готовностью демонстрировала как оружие, так и прямой стан валькирии с крутыми изгибами бедер.

Брунгильда — ах, какое подходящее имя! Ей

бы крылатый шлем и серебряную кольчугу, а уж статью телохранительница способна затмить любую оперную или театральную примадонну. В синематографе ее бы с руками оторвали. Тем более, что получится огромная экономия на каскадерах — прекрасная и спортивная Брунгильда не затруднится выполнить все опасные трюки самостоятельно. Интересно, давно она служит императорскому дому?

Бросив взгляд на принцессу — та легонько кивнула — телохранительница недрогнувшей рукой приподняла край юбки и вытащила автоматический пистолет. Нет, естественно, ей и в голову не пришло смущаться тем, что практически незнакомый парень разглядывает ее белье. Посмотреть, кстати, было на что. Тонкие черные чулки, долженствующие, по идее, удерживаться за волнующий глаз кружевной поясok, здесь соединялись тоненькими подвязками с надетым под юбку вопиюще-дисгармонирующим широким и утилитарным кожаным ремнем с латунной пряжкой. Висевшая на нем черная кобура с открытым верхом удерживалась снизу дополнительным ремешком, охватывающим сильное бедро. Взгляд невольно скользнул выше, к треугольным кусочкам ткани, прикрывавшим все остальное... оп, кино закончилось, юбка вернулась на место. Над ухом презрительно фыркнули.

Приняв тяжелое вороненое оружие с тонким стволом и деревянными щечками рукояти, я с уважением осмотрел и его.

— Прекрасная у вас машинка, милая Брунгильда. Первый раз держу такую модель.

— «Парабеллум», — отрывисто ответила она. — Из гардариканских.

— Патроны в рукояти, как я понимаю?

— Да. Магазин снизу.

Действительно, в отличие от знакомых мне пистолетов с постоянным магазином, расположенным перед спусковой скобой, здесь все было решено более остроумно и компактно. Нажав на круглую кнопку, я вынул обойму... нет, постойте, вместо узкой полосы металла, удерживающей только донца гильз, здесь имелась плоская коробочка с пружиной, подпирающей заключенные внутрь нее патроны, и подающей их в патронник, когда нужно. Телохранительница назвала ее магазином, наверное, так правильнее.

Легкие щелчки — и мне в ладонь выпала пара латунных патронов, поблескивающих гладкой оболочкой пуль.

— Ага! Слушай, Золтик, ты — голова! Стрельнуть и поджечь что-нибудь! Только, наверное, надо бы сначала хворосту набрать? — восторженно воскликнула Алиса.

— Хворосту обязательно надо, но вот все

остальное не так просто. Выстрелом даже сухую траву не подпалишь, ее лишь разбросает расширяющимися пороховыми газами. Придется действовать похитрее. Брунгильда, вы готовы пожертвовать пару патронов? Оружие может еще понадобится, но и без костра нам не выжить холодной ночью.

Она молча кивнула. Прекрасно, я не рассчитывал на столь быстрое согласие.

— Хорошо. Собирайте пока сушняк, а я... пойду-ка еще разок искупаюсь.

Целомудренно удалившись в сторону пляжа, я скинул мундирный сюртук и брюки и, оставшись в одних трусах, поежился, хлопнул на животе одинокого комара и неохотно побрел в воду, сопровождаемый озадаченными взглядами девушек. Хорошо хоть, что трусы черные, а не в горошек — вот сраму-то было бы.

Вода была холодной, но тем активнее я работал руками и ногами. Ярдах в пятидесяти от берега на темной воде светлело пятно — надувшийся, как вялая медуза, шелковый купол грузового парашюта никак не желал тонуть. Подплыв, я осторожно, чтобы не запутаться в стропах, пошарил вниз. Вытянув за длинную стропу на поверхность подвесную систему, я отцепил металлический цилиндрик, прикрепленный к лямке, и скорее поплыл обратно, стуча зубами от

холода. Неплохо было бы и сам купол вытащить, но это оставалось свыше человеческих сил — чтобы буксировать его или свернуть и извлечь намокшую и отяжелевшую ткань из воды, требовалась лодка, не меньше.

Шорох и треск, донесшиеся до моих ушей, показывали, что невольные спутницы не сидели, сложа руки. Напротив, они с радостью ухватились за предложение, поскольку ждать и мерзнуть оказалось куда хуже, чем собирать сухие сосновые ветки, в изобилии усеивавшие мягкий ковер из мха и палой хвои. На ограниченной толстыми прямыми сосновыми стволами полянке, в которую переходил пляж, осталась только певица-инсургентка, продолжавшая кашлять и хрипеть. Алиса, принцесса со своей телохранительницей и даже очкастая отличница бродили в потемках поодаль, шурша валежником, натываясь на ветки и ойкая.

Теперь все зависело от того, насколько качественными маячками обозначает свои грузы федеральная почтовая служба. Если фонарь недостаточно герметичен или в нем сели батарейки — дело плохо.

Выстукивая зубами дробь, я выжал не успевшие, естественно, подсохнуть брюки и рубашку, с трудом натянул их и уселся на корточки над собранной горкой сучьев. Сучья были хорошие — сосновые, высушенные солнцем и прокаленные

до звона. Но необходимой растопки пока не наблюдалось. Хотя нет, Брунгильда подошла и высыпала охапку ломких еловых веточек — видно, не чужда лесной жизни, знает, что без них костер не разжечь. Я благодарно кивнул.

— Помельче поломать и сложить кучкой... апчхи! А я попробую устроить пирозажигалку.

Фонарик с готовностью зажегся, ослепив привыкшие к темноте глаза. Великолепно. Осталось отвинтить крышку с линзой и добраться до лампочки. Вытерев мокрые пальцы о шершавый ствол ближайшей сосны, я принялся бороться с тугой резьбой, прижимавшей резиновую мембрану.

— О счастье! Тут даже вкручена запасная лампочка. Выходит, у нас две попытки.

— Д-думаешь, с одного р-раза не выйдет? — озабоченно поинтересовалась Алиса, постукивая зубами. — Л-л-лампочку же много раз м-можно в-в-включать.

— Стекло придется выкрошить, а нихромовая нить накаливания на воздухе мигом перегорает, стоит подать электричество. Так что будет одна-единственная вспышка. Порох тоже сгорит моментально, а его у нас с гулькин нос...

Вывинтив миниатюрную лампочку, я взял ее за цоколь и аккуратно сжал стеклянную колбу маленькими пассатижами из набора моего незаменимого инструмента, вставив между концов

сучок, чтобы не повредить нить. Коротко хрустнуло, и стекло лопнуло, рассыпавшись мелкими осколками. Поднеся лампочку к глазам, я облегченно перевел дыхание — нить накаливания осталась целой.

Устроившись на четвереньках и сложив из толстых сучков подходящее основание, напоминающее редкий сруб, я просунул туда фонарик, уложив его на бок так, чтобы торчащая на проволочных рожках нихромовая нить почти вплотную прилежала к подложенному снизу плоскому куску сосновой коры. Осталось покачать и вытащить пули из двух пистолетных патронов и высыпать порох туда же. Кучка оказалась совсем небольшой. Присыпав порохом нить накаливания, я еще раз вытер руки и начал осторожно выкладывать над пороховой пирамидкой крохотную поленницу из ломаных стеблей сухой травы, перемежаемых тончайшими еловыми веточками. Когда внутренность сруба оказалась заполненной, я удовлетворенно отряхнул ладони и огляделся.

Сосредоточенность

огнепоклонника-костростроителя помешала заметить, какой напряженной стала атмосфера. Все девушки собрались вокруг, и, вытянув шеи и едва не стукаясь лбами, заглядывали мне через плечо. Я чувствовал колено Алисы с одной стороны, и дыхание принцессы с другой: забыв обо всем, даже

почти перестав дрожать и шелкать зубами, они зачарованно уставились на потенциальный костер. Нет, ну нельзя же это просто так вот оставить!

— О-о-о-о, долог и труден был путь человека к согревающему огню, — протяжным речитативом завел я, молитвенно вытянув руки к темным небесам и покачиваясь, как камлающий шаман. — Нескончаемые времена лишь громовые молнии и огненные горы хранили тайну божественного пламени. Жестоко страдали холодными ночами древние люди, бунтовали их желудки от сырой пищи, а рык подбирающихся во тьме кровожадных диких зверей поселял страх в дрожащих сердцах. Но нашелся герой, рекший: «Пойду и добуду у богов секрет рукотворного огня, ибо сострадание к вам, родичи, кипит в моем сердце, да и отвагой и смекалкой я не обижен. Хватит мне молодецкой силушки, чтобы померяться со стариком-громовержцем и отобрать у него первозданное пламя. Только знайте, родичи, могущественный огонь рождается из малой и хрупкой искры, которую может загасить даже крылышко мотылька. Должно беречь эту искру от разбойного ветра и лелеять, кормить душистыми сухими травами. Однако страшусь я, что могучего моего дыхания слишком много станет для того, чтобы сохранить искру и раздуть в первый, юный и свежий язычок огня. Как бы мне с моей

молодецкою силой не погубить всего дела, задув нечаянно драгоценное пламя. А чтоб не случилось так, родичи, надобно послать со мной самых первых красавиц племени, девиц с дыханием нежным, как утренний ветерок — только они окружат искру заботой и выпестуют, подобно новорожденному дитяти». Задумались древние люди и спросили: «А не хватит ли тебе, герой-молодец, одной красавицы, чтобы нянчить огонь? Потому как мало у нас в племени пригожих девиц, жалко нам всех отдавать тебе одному». Но тверд был герой, и не сбить было его с избранного пути. «Пожалейте поперву себя, родичи, ибо жадность оставит вас прозябать в холоде, голоде и темноте. Случись так, что не хватит трепетного дыхания одной красавицы, что станет тогда с человеческим родом? Сгинет и пропадет в вечной тьме, и лишь волки споют похоронную песнь ему. Потому не жмитесь и подавайте скорее девиц-красавиц, да самых пригожих»...

— ...Ладно, ладно, сказочник, все понятно, — проворчала Алиса. — Когда дуть? Сразу как вспыхнет или попозже?

— Умница ты моя, — похвалил я, продолжая обкладывать сруб подходящими ветками. — Короче, система такая: равномерно распределяемся вокруг, выжидаем пару секунд, потом нежно и трепетно дуем. Главное — чтобы воздух поступал в

очаг горения снизу, поэтому дуть надо фактически с уровня земли. Все ясно?

Девушки нестройно подтвердили и торопливо распределились вокруг потенциальной огненной колыбели. Выполнение задачи, естественно, потребовало от них принять позы, поистине ласкающие мужской взгляд. Поскольку укладываться ничком на сырой мох ни одной из моих невольных спутниц не захотелось, им пришлось устроиться на четвереньках, высоко задрав обтянутые мокрыми платьями и юбками попки и прильнув грудью к земле. Если бы у них были кошачьи хвостики, то они бы сейчас дружно торчали в зенит. Лица были серьезны и исполнены понимания важности предстоящей задачи. Даже непрерывно кашляющая черноволосая певичка попыталась присоединиться, но я остановил ее.

— Не стоит, не стоит, мадемуазель инсургентка. Поддувать надо осторожно, а вы еще кашлянете и испортите все дело. Отдыхайте пока в сторонке.

Она попыталась было что-то сказать — уж не знаю, обругать меня или извиниться, по выражению мелового лица понять было невозможно — но послушалась. Все остальные девицы ждали в полной боеготовности.

Полюбовавшись, сколько позволяла совесть, я одобрительно кивнул:

— Да-да, вот именно так. Замерли, воздух не колышем.

С театральной задержкой поднеся палец к кнопке, я нажал. Щелкнул тумблер, коротко зашипело, и из кострового сруба вырвался язычок пламени. Сухая трава стремительно занялась от пороховой вспышки, затрещала, поджигая еловые веточки. Девушки старательно принялись дуть, жмурясь и хватая воздух полуоткрытыми губами, в то время как я, подавшись назад и удовлетворенно сложив натруженные руки на груди, наслаждался зрелищем и дирижировал:

— Прекрасно, прекрасно. Но только еще нежнее, как бы это сказать... трепетно. Как бы на ушко возлюбленному, вот так: ф-ф-уу, ф-ф-уу. Отлично! Разгорается, вы видели? Теперь следующий этап, подаем воздух сильнее. Тут уже надо работать страстно. Нет-нет, Алиса, кто же так пучит щеки? Некрасиво и неэффективно. Надо действовать грудью, вдыхать глубоко, выдыхать чувственно... Да-да, ваше высочество, так держать, у вас профессионально получается... Ай!..

Увлечшись, я не заметил, как Брунгильда выпрямилась, нависла надо мной и, не говоря худого слова, отвесила пинка. Нога была словно каменная.

Что же, жаловаться мне, в общем-то, не пристало. Поэтому я лишь вымученно

ухмыльнулся, почесав в затылке под удивленными
взорами остальных раскрасневшихся
огнепоклонниц.

— В чем дело, Брунгильда? —
поинтересовалась принцесса, переводя дух и
вытирая коготь с нежных щек, пылающих дивным
румянцем. Высокая грудь ее вздымалась так, что,
казалось, готова была вырваться из тесных объятий
украшенного стразами корсета. — За что ты
стукнула господина Немировича?

Та помолчала, выразительно глянув на меня и
приподняв бровь. Но в итоге лишь отрезала:

— Уже горит, госпожа.

Какое счастье, что для суровой молчаливой
воительницы труднее связать пару слов, выстраивая
обвинительное заключение в похотливости и
коварстве, чем немедленно покарать охальника
физически и великодушно спустить остальное на
тормозах. Слава, слава немногословию!

Правда, принцесса, похоже, все-таки
догадалась, в чем было дело, судя по тому, как
одернула слишком коротко обрезанный подол
бывшего бального платья и прожгла меня взглядом.
Однако педалировать тоже не стала, глядя, как
деловито я вытащил фонарик и принялся
перекрывать запальный сруб толстыми сухими
сучьями. Прошло всего несколько минут, и пламя
победно заревело, слепя глаза оранжевыми языками

и распространяя волны благословенного тепла.

По бокам полянки лежала пара начавших трухлявиться сосновых стволов, и я подтащил их поближе, расположив в виде каре. Но девушки, не обращая на них внимания, собрались вокруг костра, протягивая к нему руки и подставляя бока. Воткнув пару палок подальше от пламени, чтобы не сжечь, я пристроил там промокшие туфли и развернул на руках мундирный сюртук. Толстое сукно тут же закурилось сизым паром. Тонкие шелка девичьих нарядов сохли быстрее, но только с обращенной к огню стороны. Решение лежало на поверхности, но прекрасным спутницам, кажется, что-то мешало.

Алиса, помахивая курящимся паром подолом короткого платья, раздраженно зыркнула на меня и поинтересовалась:

— Ну?...

— Что «ну»?

— Сколько ты будешь тут сидеть?

— Э-э-э... до рассвета минимум. Сюртук, понимаешь, и наполовину не просох, брюки, опять же...

— Дурак! Сгинь с глаз моих! Дай девушкам посушиться спокойно!

— Неужели мешаю? Тепло заслоняю или что?

— Мешаешь, да еще как!

— Вообще-то, это несправедливо. Я уже красовался тут в трусах, а вы...

В этот момент Брунгильда поднялась на ноги и, вжикнув крохотной молнией, начала флегматично снимать свой обалденный черно-бело-кружевной наряд горничной. Полюбоваться я, увы, не успел — над ухом свистнула запущенная Алисой сосновая шишка, и мне пришлось ретироваться в темноту.

Тоскливо вздохнув, я вышел на берег и постоял, пока ослепленные костром глаза заново привыкали к темноте. Над озерной гладью стелился легкий туман, едва слышно плескала о песок и камни волна, вели свои заунывные рулады какие-то ночные сверчки или цикады. Интересно, как они называются здесь, на севере? Где-то поодаль ухнул филин. Повертев головой, я определил направление на неясный гул, что слышал еще с воды. Скорее всего — порог или мощная шивера. Гудело примерно на три часа, если смотреть с берега на озеро. Очевидно, где-то правее из водоема вытекала протока.

Щеки еще горели от жара костра, и хотелось пить. Я зашел босиком в холодную воду, напился с ладони. Тут пришла новая мысль. Из окончательно развинченного фонаря получится узкий и высокий алюминиевый стакан. Так можно и воды вскипятить...

Пламя костра подсвечивало стройные

сосновые стволы, уходящие вверх, словно колонны величественного храма Матери-природы. Сучья трещали, посылая ввысь потоки танцующих искр.

Времени прошло уже немало; я покидал камешки в воду, прошелся туда-сюда и окончательно соскучился. Наконец, направившись на свет костра и остановившись, безопасности для, за толстым стволом, я шепотом позвал:

— Эй, леди, позволительно ли к вам присоединиться?

Нет ответа. Наверное, все еще сушатся. А не исключено, что не слышат за треском костра. Ну, и что с того? Совесть все же надо иметь, или как?... Мне тоже, между прочим, холодно и скучно.

И вообще, день был тяжелый, имею же я право не напрягаться и не орать во все горло? Не слышат — значит, сами виноваты. Кроме того, если честно, никто, осмеливающийся именовать себя мужчиной, не имеет права упустить столь редкую возможность.

Успокоив, таким образом, совесть, я осторожно выглянул, щурясь в слепящий оранжевый свет. Жаль, что я не художник, потому что словами передать все великолепие открывшейся мне сцены было поистине невозможно.

Отсветы костра ласкали блестящие от пота тела жриц импровизированного лесного храма, с

упоеанием оглаживая соблазнительные изгибы и выпуклости. Девушки целомудренно не стали снимать белье, хотя причина, надо думать, была в том, что легкий шелк нижних частей хмм... композиций уже высох, а обращенные к огню бюстгальтеры и так прекрасно испаряли влагу, курясь легким паром. Хм, может быть, они еще и стесняются? Право же, напрасно, совершенно напрасно. Впрочем, я не был в обиде, поскольку белье было самого высшего сорта, а столь широкому модельному диапазону позавидовала бы даже витрина Мюра и Мерилиза на главном столичном променаде. И дело было не столько в роскоши, сколько в различном социальном, ах, да! — и профессиональном, конечно же, — положении носительниц... и невольных манекенщиц. Не поймите превратно, я не простаивал часами перед той витриной. Просто, пробегая мимо, иной раз бросал оценивающий взгляд. В конце концов, полезно же быть в курсе достижений современной текстильной промышленности, не так ли?

«Отмазывайся, отмазывайся», — вдруг неожиданно напомнил о себе внутренний голос. Черт, а я уж думал, он угомонился навсегда. Теперь придется оправдываться...

Однако все пошло не так. Голос звучал едко, по обыкновению, но в нем отчего-то слышалась

некая торжественность.

«Как я погляжу, с нашего прошлого разговора ты не стал ни умнее, ни раскованнее. К чему это лицемерие?»

— Какое лицемерие?

«То самое, что мешает тебе откровенно наслаждаться дивной картиной».

— Ну, не могу сказать, что совсем уже не получаю удовольствия...

«...Но одновременно терзаешься чувством вины? Ах, как это мило, как социологически добропорядочно! Какое закостенелое пуританство!»

— Смейся, смейся. Особым пуританством я не страдаю, сам знаешь, но... как бы это сказать... подглядывать все же нехорошо.

«Кто говорит о подглядывании? Сие есть любование, тонкое наслаждение естественной красотой природы. Да, природы во всех ее дивных проявлениях! Разве может считать себя мужчиной жалкая, ничтожная личность, которая не осмеливается воздать должное женской красоте?! Разве что импотент или педик — к которым ты, надеюсь, себя не относишь».

— Боже упаси.

«Вот именно. Я понимаю еще, если бы там переодевались какие-нибудь уродливые коровы, но твои спутницы — все красотки, как на подбор!.. Вообще, отвернуться в такой момент было бы

поистине невежливо, если не сказать — оскорбительно по отношению к ним. Такое было бы доказательством лишь того, что ты не ценишь их ни во что, равнодушен к прекрасному и вообще некуртуазен».

— Второе и третье как-нибудь переживу, но с первым не согласен. Нечего возводить напраслину. Я их очень даже ценю... да и равнодушным тут остаться трудновато, если честно.

«Во-о-о-от! Слышу голос не мальчика, но мужа. И ни к чему лицемерно тупить взор — он должен быть острым, все замечающим, аналитичным. Даже, не побоюсь этого слова — критическим!»

— Критическим?

«Конечно. Каждая из девушек — индивидуальность. Красота каждой многогранна, и ее оценка требует научного, критического подхода. Ты же, в конце концов, не легкомысленный возрожденческий художник, собравший обнаженных натурщиц, чтобы сляпать очередное пасторально-пейзанское полотно с амурчиками и пастушками. Молодой ученый должен не только воспринимать общий эстетический посыл, но понимать, что именно он видит, оценивать и сравнивать. Благо, материал для сравнения у нас замечательный».

— Сравнить? Хм-м... сравнивать. Но по

каким параметрам?

«Начать, как мне кажется, следует со степени новизны — простой, но действенный совет. Дарю».

— Степень новизны, что и говорить, высокая. Не говоря, естественно, об Алиске. Что на нее смотреть, что там сравнивать? С ней-то мы еще с детского сада вместе плескались в ванне... и занимались сравнительной детской анатомией.

«О, да ты не безнадежен, скромный друг мой».

— Как будто ты не в курсе. Да и после детского сада — все эти наши летние купания на Бивер-крик... рыжая только и делала, что выпендривалась, натягивая новые купальники. Правда, кроме купальников, там и смотреть-то не на что. Тощая и плоская, как доска. Двух лет не прошло с тех пор, как появились хоть какие-то пупырышки.

«Ага, — пронизательно заметил внутренний голос, — Но такая точность наблюдений доказывает, что ты не так уж обходил ее вниманием, как хочешь показать».

— Ну... не совсем обходил, — признал я. — Но она все равно, как мальчишка.

«Нет-нет-нет, ты не прав. Многие бы не согласились с твоей недооценкой очаровательных маленьких грудок».

— М-м-м... где это я слышал такое

выражение?

«Не бери в голову. Но продолжим. Теперь белье. Я бы сказал, что невинные розовые трусики и лифчик, украшением коих служат лишь скромные бантики, не вполне ей идут. Не полностью отражают ее сущность».

— «Суч ность», скорее. Да, если бы меня попросили сформировать для нее сценический образ, я бы, пожалуй... нарядил ее в красное. Рыжая ведь, логично?

«Так-так, ход твоих мыслей мне нравится. Безусловно! Алиса поскромничала, наряжаясь на бал, но ее острый язычок и взрывной характер заслуживают более энергичного оформления... да, конечно! Рискованная комбинация алого шелка и туфель на высоком остром каблуке поднимут ее на новый уровень. Ладно, с Алисой Саффолк, безо всякого сомнения попадающей в категорию подруги детства, все более-менее ясно. Кто следующая?»

— После Алиски степень новизны у всех остальных одинаковая, так что придется искать новый критерий.

«Тогда, безусловно, по степени значимости следует перейти к ее высочеству Грегорице Тюдор. Вряд ли найдется какой-то параметр, по которому царственная наследница династии хоть на малую долю отступит от высшего совершенства»!

— Тебе бы в придворные спичрайтеры записаться, подхалимствовать перед сильными мира сего. Впрочем, она действительно очень красивая.

«А какая осанка... какие изгибы!..»

— Что и говорить, в отличие от Алисы, принцессу не примешь за мальчишку.

«Еще бы! Изящная, тонкая и стройная, но при том очень женственная фигура. Занятия балетом, безусловно, пошли ей на пользу, а отсутствие фанатизма в этом деле — спасли наследницу от того, чтобы превратиться в плоскую, узкобедрую, сухую и широкоплечую вешалку, каковых немало среди профессиональных балерин».

— Слушай, ей всего девятнадцать лет, какой смысл сравнивать ее со старлетками из Императорского театра, несущими печать своей нелегкой профессии? Природа щедро одарила девушку, которая не пренебрегала тренировками как тела, так и ума — вот тебе и секрет гармонии.

«Ты прав, мой объективный друг. Хотя это прозвучало слишком строго и научно. Знаю-знаю, ты не склонен к восхищенным рукоплесканиям, ахам и охам, но не запирайся — настоящую красоту ты действительно ценишь. Скажи, отчего это вдруг повлажнели глаза? Дым костра сюда не долетает, не надо!..»

Торопливо вытерев сыроватым еще рукавом

не ко времени набухшие ресницы — Да с чего бы это, в самом деле?!.. — я сердито пробурчал в ответ:

— Не буду я ничего говорить. Совсем не каждое слово, что крутится на языке, стоит озвучивать.

«Понимаю. И понимаю гораздо лучше, чем тебе кажется. В нашем благовоспитанном мире настоящее совершенство так редко, так уникально, что перед ним не просто хочется склониться с восхищением и трепетом — страшно повредить ему любым грубым движением, сглазить неловким словом, правда?»

— Ну... конечно, да.

«Тогда мы обсудим ее высочество исключительно по секрету. А чтобы подчеркнуть, что мы ничуть не льстим принцессе, и не превозносим ее исключительно из подхалимства или чрезмерного трепета перед императорским происхождением... включим в общую картину ее великолепную боевую горничную!»

— Должен признать, неплохая мысль.

«Ты обратил внимание, как они похожи? Конечно, Брунгильда чуть повыше, но общие пропорции мне видятся практически идентичными. Поистине знаковое совпадение! Суровая телохранительница развивала свое притягательное тело не танцами, а фехтованием, рукопашным боем

и стрельбой, но — обрати внимание! — не превратилась в вульгарную бабищу-рестлершу со сломанным носом, вроде тех, что мутузят друг друга на потеху толпы в низкопробных гладиаториумах».

— Но костяшки у нее вполне набиты. Характерные мозоли налицо. Да и возраст — она ведь едва ли намного старше принцессы. Если вообще не ровесница.

«Это лишь добавляет остроты, щекочет нервы — как и бритвенно-холодный взгляд! Валькирия, конечно, вся погружена в служение принцессе, подчеркнуто стирая и нивелируя свой собственный образ, но ведь естественная грация никуда не делась... ах, ты только посмотри! Никогда бы не подумал, что в кобуре прекрасно помещается и расческа!..»

— И действительно — валькирия вооружена до зубов. Но сам понимаешь, с такой гривой ведь по-другому не справиться. Хм... и, конечно же, первой по списку идет принцесса... неужели сушка у костра делает волосы такими пушистыми?... Черт, почему в такой момент под рукой нет фотоаппарата?!..

«Пфе, лучше бы пожаловался, что не наделен даром Боттичелли или Тициана!»

— Да я и так запомню навсегда! Слушай, почему они так искрятся?!

«Великая загадка. О, смотри, теперь принцесса расчесывает хвост Брунгильде. И та еще отнекивается, подумать только!»

— И без толку, естественно. Если принцессе что-то пришло в голову, спасения нет. Но обрати внимание, как по-другому смотрится валькирия с распущенными волосами... сосем не так холодно и свирепо, как обычно.

«Только что это за странный оттенок? Складывается впечатление, что она внезапно поседела во цвете лет».

— Похоже на то. Это явно не краска — посмотри на корни волос. И брови. Вообще, ей бы удлиненные треугольные ушки, и была бы вылитая эльфийка.

«Темная эльфийка — обрати внимание на чуть более темный оттенок кожи по сравнению с принцессой. Впрочем, если дополнить образ ее высочества такими же эльфийскими ушками, мы получим еще более замечательную картину — минутка интима двух экзотических красавиц; пламя и лед, свет и тьма! Ммм... они прекрасны и так, но если чуть поиграть в воображении, не стоило бы поменять их скудные, хотя и очаровательные туалеты на контрастные цвета?... Принцессе, конечно, идут белоснежные кружева, а Брунгильда неотразима и строга в своем черном шелке, а как бы смотрелось, если наоборот?... Белые чулки на

валькирии и черные на принцессе?...»

— Не отклоняйся слишком далеко, эстет. Кроме того, я чувствую, что если смотреть на них слишком долго, можно попросту ослепнуть.

«...Или валькирия почувствует нежеланное постороннее внимание и снова продемонстрирует призывную стрельбу? — пронизательно заметил внутренний голос. — Ну-с, хотя и с болью от расставания с несбывшимся, нам пора двигаться дальше».

— Да. Нельзя же останавливаться на полдороге.

«Если же говорить о госпоже Госпич, то она, как уже было отмечено в ресторанном зале на борту “Олимпика” — практически уголовная преступница. Создавать перед мужчинами такое впечатление беззащитности, с нотками очаровательной неуклюжести и ароматом наивности необходимо попросту запретить на законодательном уровне. Иначе при взгляде на такую девушку даже самый затюканный омега-самец, стоящий на нижней ступени стайной иерархии, попытается самоутвердиться за счет нее, выпустив на волю самые низменные инстинкты».

— Мощная речь. Но в чем-то ты, пожалуй, прав.

«Природа наградила ее шармом,

свойственным мягкой пушистой подушечке, в которую так и хочется зарыться. Ты только посмотри на этот размер — D, не меньше!»

— Похоже на то. С материнством у нее не будет никаких проблем.

«Неужели тебя это интересует? Фу! Дети, пеленки, грудное молоко — нет, это совершенно за пределами моей сферы интересов! Хммм... вернемся к теме. С другой стороны, госпожа Госпич не создает впечатления пышечки. И даже с талией все в порядке, пусть и не на уровне принцессы и валькирии. Занимается спортом?...»

— Едва ли — сам видел, как худо у нее с координацией. Да и бегать не умеет совершенно.

«Тогда остается предположить, что за научными штудиями она забывает нормально питаться — по идее, формы должны быть попышнее, а эти щечки — покругее и порумянее. Да и цвет лица немного землистый. Впрочем, в итоге мы получили весьма пикантное сочетание впечатляющей груди и миниатюрной фигурки. Но, на мой взгляд, ее стоило бы еще откормить. Сама девушка, похоже, не ценит подарка природы и кушает лишь тогда, когда выдастся перерыв в экспериментах. Настоящий синий чулок. Впрочем, возвращаясь к теме — белье хоть и простенькое, без претензий, но вполне соответствует образу хозяйки — другие девушки с такими данными

злоупотребляют рюшечками и бантиками. Здесь же все просто и безыскусно; синий цвет госпоже Госпич, безусловно, к лицу. Так же как и черный — нашей незадачливой инсургентке».

— А, ведь и точно! Совсем про нее забыл.

«Тебе больше нравятся девушки, которые не пытаются тебя убить? Или хотя бы покусать?...»

— Представь себе. Хотя в артистичности этой клыкастой вампирке не откажешь — сценический образ она создала впечатляющий, и облачение эффектное, ему под стать. Было.

«Мда, для боевых действий лучше использовать не такой длинный шлейф и чулки попрочнее — хотя бы не ажурные».

— Где теперь тот шлейф? Кажется, он запутался под водой, и я его оборвал, грешен.

«Возможно, это и к лучшему. При ходьбе не цепляется, да и поле зрения не блокирует. А ведь — маэстрина тоже весьма хорошо сложена. Кто она, трансильванка? Или даже цыганка? Южная кровь добавляет перчика — ах, эти густые нахмуренные брови, эти крутые иссиня-черные локоны! Обрати внимание — какие тонкие и изящные щиколотки и линии запястий, длинная шея и рюмочная талия с амфорными изгибами при том, что она не совсем худышка. В этом есть что-то греческое».

— От гетер? Ноздри какие-то слишком нервные — уж не баловалась ли маэстрина

кокаином? И почему она не снимает перчатки до локтя, даже когда все остальное напоказ?...

«Ты удивлен?... С чего бы? Среда жрецов искусства накладывает свой отпечаток, тут нет ничего удивительного».

— А вот принцесса, хоть и вращалась в артистических кругах, почему-то локтевые сгибы не скрывает.

«Так-так, преимущественное направление твоих мыслей становится все более понятным!..»

— Да что там тебе понятно, шут гороховый! И вообще, пора уже заканчивать это куртуазное занятие, комары кусаются.

С трудом избавившись от наваждения и протерев глаза — чтобы не блестели слишком подозрительно и маслено — я с сожалением вздохнул, предупредительно потрещал ветками и громко воззвал:

— Высокородные леди, нельзя ли погреться у вашего огня?

Шорох ткани и приглушенные голоса свидетельствовали, что скромность возобладала — даже если девушки и не успели до конца просушить свои легкие наряды, полюбоваться мне больше не удастся.

Получив, наконец, утвердительный ответ, я подошел к костру и пристроился на бревнышке

рядом с Алисой. Усталые и пригревшиеся спутницы клевали носами и терли слипающиеся глаза. Попросив у телохранительницы шпагу и расщепив с торца длинную ветку, я воткнул в расщеп алюминиевый стаканчик и пристроил над огнем, после чего снова убрел в темноту — меня посетила новая мысль.

Когда я в поте лица резал подсохшие стебли тростника, увенчанные пушистыми метелками, за спиной зашуршали шаги. Брунгильда подошла, молча взяла охалку и вернулась к костру. Когда я, нагрузившись, последовал за ней, вода в стаканчике уже давно кипела. Ссыпав тростник в кучу рядом с бревном, я разровнял его в подстилку и сделал широкий жест:

— Приземляйтесь, леди. Утро вечера мудренее.

— Ой, Золтик, ты такой лапочка! — пропела, зевнув до ушей, Алиса. — Дай я тебя поцелую.

— Потом. Если захочешь, конечно, — привычно парировал я, и обратился к свернувшейся в жалкий клубочек инсургентке. — Маэстрина, а вам бы лучше выпить вот это.

Она угрюмо и недоверчиво взглянула на горячий стаканчик, где плавали разбухшие соцветия и листья.

— Отрава?

— Ничуть. Самая обыкновенная душица. Нет,

не от слова «душить», — для наглядности я взял себя за горло и высунул язык — а от слова «душистая». Бабушка говорила, что помогает от кашля и при всяких грудных делах. Впрочем, мое дело предложить...

Густые брови удивленно взлетели вверх.

— Тогда... тогда... благодарю.

Инсургентка приняла стаканчик, подержала, грея ладони. Пригубила, снова тяжело закашлялась.

— Ложитесь. На бок. Так и дышать легче, и согреетесь. Я сейчас еще принесу тростника. Алиса, и вы, принцесса, — не пренебрегайте скромным предложением. Изысканных удобств сейчас все равно не будет.

Рыжая нахалка, не заставляя себя просить дважды, плюхнулась на подстилку, радостно поелозила, подложила ладошки под щеку и изобразила счастливый храп. Принцесса, чуть помедлив, последовала за ней. Осторожно устроилась между Алисой и спиной отвернувшейся и подтянувшей коленки к груди инсургентки. Опираясь на локоть, Грегорику вдруг улыбнулась — и такой теплой, чуть виноватой улыбки мне еще ни разу не приходилось видеть на ее лице. Оно словно осветилось.

— Поверьте, господин Немирович, здесь будет мягче и спокойнее, чем на перине. Тепло ваших с Брунгильдой рук — лучшая рекомендация.

«Ого. Оказывается, принцесса не сердится за неприличный фокус с коленопреклонением перед огнем», — заметил внутренний голос.

«Да и, вообще, как ни странно, все меньше напоминает неприступную и холодную, лишь иногда загадочно снисходительную к простым смертным Снежную Королеву, какой казалась на дирижабле», — согласился я.

Брунгильда, не говоря ни слова, отправилась за новой охапкой тростника, а я организовал вторую порцию кипятка, на это раз сыпанув туда щепоть сорванных прямо под ногами мелких кругленьких листков. Принцесса благодарно кивнула, пригубив, потом передала обернутый листом мать-и-мачехи — чтоб не жегся — стакан очкастой отличнице, потихоньку устроившейся на подстилке с краю. Последней отхлебнула Алиса, перевернула опустевший стаканчик и сделала жалостную гримаску. Я кивнул и добавил сладким голоском:

— Маловато? Сейчас еще заварю. Но чрезмерно не налегай, говорят, брусничный чай мочегонный.

— Тьфу на тебя! — рывкнула она и вдруг покраснела. — В кои веки подумала о нем, поганце, хорошо, а он тут же устроил очередное свинство.

— Посочувствовал бы, если бы не помнил твоих увлекательных экспериментов со

слабительным. Напрасно, ой, напрасно я тогда рекомендовал тебе «Графа Монте-Кристо».

Нет, ну правда — любая нормальная девочка должна была бы с трепетом внимать любовным интригам, а это рыжее чудовище внезапно вдохновилось изысканной наукой отравления недругов. Аква-Тофана! Настоящей, к счастью, не нашлось, но и одного ее похода в аптеку хватило, чтобы моя мама была в панике — сыночек два дня не вылезал из туалета!

Яростно фыркнув, Алиса перевернулась на другой бок, толкнув коленкой ни в чем не повинную отличницу.

Вот так-то. Я позволил себе довольно ухмыльнуться. Как справедливо считал граф Монте-Кристо, месть требует холодной головы и терпения. Отдаленное гулкое уханье филина подтвердило мое мнение.

Костер полыхал вовсю, и было жарко, даже пот капал с бровей. Но на всю ночь так палить у нас не хватило бы ни дров, ни сил. Как бы девушки не замерзли под утро. Идеально было бы сложить долгоиграющую нодью из толстых бревен, но без пилы об этом не стоило и мечтать. Поэтому пришлось по старому таежному опыту соорудить из нескольких веток небольшую стенку-навес позади подстилки и навалить тростника и туда. Теперь жар костра отражался обратно, что позднее, когда он

прогорит, станет очень кстати. Управившись, я взглянул на спутниц.

Надо же — они уже спали без задних ног. Укрыв их высохшей мундирной курткой, я с облегченным вздохом плюхнулся на бревнышко с другой стороны огня.

О-хо-хо-хо, действительно, долгий был денек. Устал, как собака, весь в синяках, в животе бурчит. Одно радует — все же могу со вкусом испытывать все эти, безусловно, неприятные ощущения. А мог бы лежать в виде неаккуратной лепешки в этих диких лесах. Нет, как ни крути, жаловаться грех. Вот и Брунгильда, наверняка, придерживается того же мнения. Хотя черт поймет по ее лицу, о чем она думает. Надо полагать, вот у кого принцесса училась натягивать непроницаемо-хладнокровные маски, пусть и малоуспешно. Девушка-загадка.

Телохранительница тоже устроилась на поваленном стволе поодаль от меня, свободно протянув вперед длинные, гладкие, очень красивые ноги. Единственная вольность, которую она себе позволила — снять кружевную наколку. Все остальные элементы наряда горничной — как бы это сказать, скорее, «боевой горничной» — находились в первозданном порядке и чистоте. Удивительно, почему я весь в песке, иголках и тростниковом пухе? Она ведь тоже таскала дрова и охапки тростника, а перед тем дралась, прыгала с

парашютом и падала в воду. Вот она — настоящая школа старого императорского двора!

Безуспешно попытавшись отряхнуть изгвазданные брюки, я оперся локтями на колени и задумался, не сводя нарочито-пристального взгляда с Брунгильды. Хладнокровие хладнокровием, но не стальные же у нее нервы? А чтобы узнать что-нибудь о человеке, лучше всего заставить его чувствовать себя неловко, ощутить потребность заговорить — а там уже дело и пойдет. До сих пор, по крайней мере, срабатывало безотказно.

Не подумайте, я не большой любитель играть на нервах окружающих. Но как-то мне повезло родиться в семействе, где имеется целая толпа специалистов такого толка — и это даже не считая дальних родственников и друзей семьи. Хочешь, не хочешь, пришлось учиться отстаивать свою независимость и право на самоопределение. В жестоких сражениях, заметьте.

Брунгильда держалась долго. Минут пятнадцать вообще не смотрела на меня, только в сторону, не дрогнув ни единым мускулом лица. Пять раз подряд пересчитав рюшечки на ее корсете, я уже готов был сдаться, но легкое, заметное только наметанному глазу раздраженное движение плеча ее все же выдало. Наконец телохранительница тяжело вздохнула, смерила меня угрожающим взглядом и поинтересовалась:

— Вам что-то угодно, господин Немирович?

— Нет, ничего. Просто скучно сидеть молча.

И не могли бы вы не использовать столь официальные обороты? Может быть, я и не против, чтобы красивая молодая девушка называла меня «господином», но только в со-о-овсем другой ситуации. Здесь же, среди товарищей по несчастью, это лишь воздвигает ненужные и неудобные барьеры. Мой общественный статус и в нормальной ситуации не намного выше вашего, милая Брунгильда, а сейчас и подавно. Так почему бы всем нам не звать друг друга просто по именам?

— Серьезно? Без исключений? — мрачно уточнила она.

— Конечно! Я вообще не сторонник официоза, а протоколы хорошего тона наводят тоску. Да и с позиции элементарного здравого смысла это глупо выглядит. «Госпожа Саффолк, не соизволите ли убить комара в районе моей правой лопатки? Руки заняты тяжелым бревном, но я буду вам крайне благодарен».

— А как вы намереваетесь именовать ее высочество? — парировала она.

Опа. Уела. Подойти и похлопать по царственному плечу: «Послушай, Грегорика»... Почему-то от одной такой мысли в животе холодеет. Или это от голода?

— Согласен, принцесса нам с вами не ровня.

Но я как-то не чувствую даже самого крошечного превосходства над вами, милая Брунгильда, чтобы испытывать удовольствие от слова «господин» в ваших устах. Вы лучше стреляете, фехтуете, не исключено, что и вообще сильнее физически, чем я. В таких условиях только одолеваемый комплексом неполноценности глупец не будет испытывать неудобств, когда к нему обращаются снизу-вверх. Прошу вас, давайте все же откажемся от ненужных формальностей.

Ответом на горячую речь стал лишь оценивающий взгляд.

— Вы позволите говорить откровенно, господин Немирович?

— Я стремлюсь именно к этому, милая Брунгильда.

— Хорошо, — она чуть помедлила, и в голосе зазвучал острый металл. — Во-первых, вряд ли вам придется так долго оставаться в моем обществе, чтобы это имело значение. Во-вторых, вы говорите о доверии. Но доверять можно только тем, кого знаешь. Кто не предаст госпожу. О вас мне ничего не известно, господин Немирович.

— Понимаю, — уныло кивнул я. — Получается, мне придется ежиться при каждом вашем «господине» еще неопределенное время. Не пойму, правда, каковы критерии, по которым вы судите людей?

— Излишняя доверчивость. К примеру, — без промедления отрезала она.

— А... вот как. Вы про нашу несчастную инсургентку? Что бы там ни было раньше, сейчас, думается мне, она для нас не очень-то опасна.

Ответом было лишь многозначительное молчание. Я поднял руки, сдаваясь.

— Хорошо, хорошо. Понял. Пусть это и грустно. Хотите, верьте, хотите, нет, но мне бы все же хотелось заслужить ваше доверие, и тут дело не только в удобствах при общении... ладно, не буду больше об этом, — поднял я ладонь, заметив, как утомленно опустились ее плечи.

Мы помолчали — теперь уже без бывшего напряжения.

Конечно, обидно, что Брунгильда свысока глядит на нашего брата-студента, но, надо признать, у нее есть на это право. Пусть и почти ровесница — Кстати, а сколько ей лет на самом деле? Едва ли она намного старше принцессы или меня, — но уже твердо стоит на собственных ногах, отлично тренирована и уверена в себе. Чего стоила дуэль на шпагах в грузовом трюме! Это было не только страшно, но и завораживающе красиво. Разве сравнишь с тем, как я неуклюже пытался отмахиваться от принца? Все-таки, поразительная девушка.

Подбросив в прогорающий костер несколько

толстых сучьев, я широко зевнул и потянулся. За кругом, освещаемым нашим бивачным костром, все так же величественно возвышались сосновые стволы, где-то наверху шелестели кроны, осыпая землю редким дождем палой хвои. Деловито ухал филин, со стороны озера доносилась монотонная трель козодоя. Где-то вдали, едва слышная за отдаленным гулом падающей воды, кричала выпь. Звезд не было видно — верховой ветер, утащивший разбитый дирижабль черт знает куда, быстро гнал занавесы рваных туч, хотя до земли долетали лишь редкие порывы. Если бы не горячее дыхание костра, мы бы уже давно околели до синевы.

— Думаю, бодрствовать вдвоем нет нужды, — обратился я к замершей, словно статуя, телохранительнице. Она лишь остро блеснула глазами в ответ.

— Людей нам здесь опасаться не стоит, а дикие звери едва ли осмелятся приблизиться к огню. К счастью, мы не в саванне со львами и тиграми, тут можно ждать разве что медведя или парочку волков, или, что вероятнее, рысь. Вашего «парабеллума» хватит, чтобы их отогнать, верно?

Кивок. Ну, еще бы — после схватки с заговорщиками и инсургентами, что ей какие-то волки и рыси?

— Главное, чтобы какой-нибудь уголек не стрельнул и не поджег подстилку — тростник

вспыхивает в момент.

Еще кивок.

— Покараулим по очереди? Отдохните часика три, потом смените меня.

— Я дежурю всю ночь.

Вот упрямица.

— Но ведь нам и завтра придется нелегко. Как выбираться из этих диких лесов? Как искать дорогу? Мы рассчитываем на вас, и хорошо бы не случилось так, что принцесса подвергнется опасности из-за того, что вы будете брести в полусне и спотыкаться. Может быть, это и не мое дело, но верный оруженосец не позволит себе свалиться, оставив сюзерена без поддержки.

Кажется, на скулах телохранительницы заиграл легкий румянец. Ага. По части софизма нашей великолепной, но прямодушной воительнице еще расти и расти.

— Обещаю, что разбужу вас на смену ровно через три часа... — я посмотрел на стрелки часов, потряс запястьем, поднес их к уху и пожал плечами. — Ну, на самой заре. Отдыхайте спокойно, милая Брунгильда.

— Есть!

Неохотно кивнув, она осторожно прилегла на краешек подстилки и, конечно же, повернулась спиной. Пистолет же, что характерно, оставшемуся на страже боевому соратнику даже и не подумала

предложить. Не доверяет, хоть ты тресни. Ну и ладно.

Не торопясь, я собрал так пригодившийся фонарик, вставил в чуть оплавленное эбонитовое гнездо запасную лампочку и щелкнул кнопкой. Горит — отлично. Со светом собирать обломившиеся и попадавшие на мягкую моховую подстилку толстые сосновые сучья оказалось гораздо сподручнее. Сделав пару ходок, я решил, что еще одна охалка — и как раз хватит до утра. В последний раз пришлось отойти подальше, где бугор, на котором росли мачтовые сосны, перегибался пологим склоном вглубь суши. Прыгающий по кочкам луч высветил лощину, скакнул дальше и вернулся. Странно, моховой ковер там пересекали какие-то непонятные светлые полосы. Словно мох и брусничник выстрижены до чистого песка. Промоины, что ли? Но почему поперек склона? Нужно будет присмотреться, когда рассветет.

Я подобрал еще пару сучьев и вернулся к костру. С воды тянуло холодом, но стоило протянуть руки к жарким углям, переливающимся драгоценными рубиновыми отсветами, как наш неожиданный бивак начинал представляться вполне уютным. Даже последние комары угомонились и не зудели над ухом — наверное, потому, что лето уже на исходе. Для меня, могущего похвастаться

опытом житья в археологическом лагере, покусанность была не в диковинку, а вот за чистую кожу спутниц стоило опасаться. Страшно представить себе, как кровососы, потирая лапки и востря жадные до драгоценной королевской крови хоботки, пикировали бы на чело принцессы. Да и Алиса мигом идет здоровенными красными пятнами, стоит только парочке комаров найти прореху в москитной сетке. Счастье, что здесь перепончатокрылые не мешают спать. Да, кстати. Я поднялся на ноги, потянулся и прошелся вокруг бивака, проверить, все ли в порядке. Остановившись над подстилкой, нагнулся, прислушиваясь к дыханию спящих девушек. Отблески костра заставляли ресницы бросать длинные тени на осунувшиеся лица. Алиса по-детски причмокивала и посапывала, беззастенчиво воткнув нос между грудей принцессы, которая вместо того, чтобы отпихнуть, обняла ее узнаваемо материнским движением. Черт, рыжая нахалка даже свою костлявую коленку засунула между стройных царственных бедер. Ничуть этим не смущаясь, Грегорику дышала ровно и спокойно, лишь длинные ресницы иногда вздрагивали — кажется, ей что-то снилось. К спине принцессы в поисках тепла прижалась незадачливая инсургентка, чье лицо теперь неожиданно утратило агрессивность. Полные чувственные губы надулись,

придавая обиженный и грустный вид. Дыхание оставалось хриплым и клокочущим, неровно вздымая грудь. Нехорошо. Что-то такое на медицинских курсах говорили по поводу попавшей в легкие воды... надо бы вспомнить получше.

Очкастая отличница, наконец-то, расставшись с очками — они поблескивали в изголовье — деликатно дышала Алисе между лопаток. Тихо-тихо, по привычке делая вид, что ее тут и нет вовсе. Брунгильда лежала ничком, прикрыв лицо ладонью, словно не желала, чтобы ее рассматривали во сне. Или не сделали чего похуже. Да ради бога, разве же я осмелюсь! Остывший уголек, оставляющий на пальцах прекрасный, жирный и четкий след, полетел обратно в огонь.

Подкидывая время от времени дрова и клюя носом, я скоротал несколько часов, пока синее небо над ровной гладью озера не начало слегда розоветь.

Будить телохранительницу не пришлось, она вдруг села на подстилке, потеряла лицо ладонью и подозрительно глянула на меня. Осмотрелась вокруг и прислушалась к щебету просыпающихся птиц. Я успокоил.

— Все хорошо. Никаких происшествий. Сушняка натаскал, так что сдаю вахту в полном и неукоснительном порядке.

Недовольно поморщившись в ответ на легкомысленный тон, и не удостоив меня ответом,

Брунгильда встала и заботливо поправила куртку, сползшую с плеча безмятежно спящей принцессы. Не надевая туфель, направилась к воде. Поплескалась несколько минут, потом вернулась и все так же молча устроилась на бревне у костра.

— Ладно, дай-ка и я покемарю.

Под подозрительным взглядом телохранительницы я не стал подкатываться к девицам, а просто улегся вдоль бревна на просохший мох, поближе к огню, и мигом провалился в блаженное сонное царство.

Вот только оставаться там долго мне не пришлось. Казалось, только-только заснул — и вот уже безжалостно трясут за плечо.

Не в силах разлепить тяжелые веки, я попытался высказать справедливый протест, но на рот легла жесткая ладонь.

— М-м-м!..

— Тихо. Просыпайтесь быстрее, — в голосе Брунгильды чувствовалась тревога.

— М-м-м?...

— Птицы.

Я рывком сел, протирая кулаками глаза. Осмотрелся. Солнце уже встало, но еще не рассеявшийся утренний туман, ползущий от воды, заставил его смотреться бледным кругляшом, проглядывающим сквозь рваные тучи.

— Что значит, «птицы»?...

— Молчат.

Костер тихо потрескивал, но все остальные звуки действительно куда-то пропали. Деловитый и жизнерадостный щебет прыгающих в кустах малиновок и горихвосток, скрип кузнечиков, даже лягушачье кваканье — ничего. Уши словно забило плотной ватой.

— Почему?

Брунгильда не дала себе труда отвечать на глупый вопрос, но вскочила на ноги и напряженно сощурилась, вглядываясь в глубину соснового бора. Надо полагать, слух у нее тоже был существенно острее моего, поскольку различить доносящийся из давешней ложины приглушенный, но раскатистый треск я сумел лишь спустя полминуты.

— Медведь?

Нет, это было больше похоже на медвежье стадо. Я отчетливо увидел, как содрогнулась до самой вершины высокая сосна, задетая неизвестным пока виновником шума. Не знаю, сумел ли бы такое проделать даже крупный бык, врезавшись в нее с разгону.

— Будьте остальных! — рявкнула Брунгильда, и в ее руке, как по волшебству, возник парабеллум.

Забыв про аристократические манеры и деликатность, я прыгнул к шалашу и затряс ничего

не подозревающих девушек.

— Подъем, быстро!!! Леди, у нас неприятности! Ну-ка, встаем!

Алиса по привычке попыталась меня пнуть, но я схватил ее за щиколотку и безжалостно сдернул с подстилки.

— Кончай дурить, некогда!

Принцесса и отличница уселись, тараша ничего не понимающие, мутные со сна глаза, Алиса возилась и ругалась под ногами, уцепившись за мои брюки, инсургентка снова тяжело раскашлялась, покраснев и задыхаясь.

Уловив за спиной сдавленный вздох Брунгильды, я глянул через плечо и замер, разинув рот и судорожно стиснув предплечье Алисы.

Над перегибом, ведущим из лощины, поднялся шершавый горб серого цвета. Существуют вещи, настолько выходящие за грань обыденного, повседневного опыта, что человеческий разум долго-долго не может правильно классифицировать предмет или явление, выбивающееся из привычного порядка вещей. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы столкнувшись с очевидным, и в то же время гротескным несоответствием и впавший в логический ступор мозг, обрабатывавший приблизительные линейные размеры предмета, исправно переданные зрительной системой,

наконец, смирился. Да, как бы это ни было невозможно, даже скандально — вырастающий из-за перегиба серый объект не мог быть ничем иным, кроме как панцирем некоего существа. Существа, видимая ширина тела которого, которую можно было оценить в наглядном сравнении с толщиной стволов мачтовых сосен, составляла не менее десяти футов. Грубо говоря, раза в два шире слоновьего туловища.

— Ч-что это там такое?

Я не узнал этот дрожащий голос. Может быть, спросила Алиса или принцесса. Может быть, я сам. Неважно. Главное, что ответ на заданный вопрос менял... менял все. Менял окружающий нас мир — бесповоротно и жестоко.

Панцирь был почти плоский сверху, только сходящийся к невысокой продольной грани, неуловимо напоминающей крышу танковой башни. Передние грани, сходящиеся под тупым углом, нависали над — мордой? — уходящей под обратным уклоном, как это бывает у крабов. Затененное выступом панциря углубление щетинилось многочисленными, мерзко шевелящимися хелицерами, а две пары широко расставленных крохотных глазок уставились на нас с первобытной, насекомьей злобой. Еще секунда, и чудовище во всей красе продемонстрировало длинные и мощные клешни на суставчатых

передних конечностях и семенящие по бокам от нижней части граненого панцирного брюха парные, членистые и покрытые шипами ножки. Теперь, когда бугор уже не мог милосердно скрыть истинные размеры незваного пришельца, стало видно, что в высоту — по верхнему срезу панциря — неведомое и невозможное создание достигало десяти футов, а в ширину с клешнями — все пятнадцать.

Слегка уклонившись правее, чтобы обойти толстую сосну, чудовище двинулось в нашем направлении. Острый внешний край панциря все же с треском чиркнул по стволу, ободрав кору и расщепив древесину. Сосна качнулась, зашумев могучими ветвями. Посыпавшиеся шишки застучали по твердому панцирю, разлетаясь в разные стороны.

— Я проснулась, вообще-то?... — заторможено поинтересовалась Алиса. — Это мне снится или опять твои дурацкие фокусы, Золтик? А, поняла — ты где-то поймал древесного клопа, нашел увеличительное стекло...

— И, ясное дело, увеличил его в шестьсот раз. Просто, чтобы сделать тебе сюрприз, догадливая ты моя!

— Эт-то не очень похоже на клопа, — едва слышно подала голос черноволосая отличница. — С-скорее на морского краба или мечехвоста. Но

увеличительным стеклом нельзя сделать так, чтобы...

— Я поражен вашей пронизательностью, леди. Позвольте предвосхитить следующее логическое заключение — Золтан Немирович ни в чем не виноват, поэтому обижать его словесно или бить тапочками совершенно бессмысленно, — не отрывая взгляда от чудовища, я поймал за запястья Алису и отличницу и рывком вздернул на ноги. — Поэтому, предлагаю, не мудрствуя лукаво...

— Бежим скорее! — выкрикнула принцесса и легко вскочила на ноги.

— ...Вот именно. Прямо в точку, ваше высочество.

Панцирный клоп, тем временем, словно решил рассеять наши последние сомнения, хищно растопырил клешни, ускорил ход и своротил по дороге пару можжевельных кустов, от которых только щепки полетели. Теперь даже самый заядлый пацифист правильно оценил бы его намерения — сцапать и разорвать в клочки.

Девушки, спотыкаясь и повизгивая, бросились бежать в сторону воды. Брунгильда, напротив, кинулась вперед, замерла перед костром, расставив ноги и вытянув руки с пистолетом. Дважды щелкнуло. Судя по всему, она целилась в глаза, и — попала. Один из расположенных справа глазков лопнул, брызнув зеленоватой жидкостью.

Чудовище споткнулось и на мгновение остановилось, взрыв лапами мох и издав низкий, угрожающий скрип. Увы, к моему величайшему огорчению, остальные глазки вдруг втянулись в круглые отверстия панциря, а со щелчками опустившиеся сверху роговые пластинки почти перекрыли их, превратив в узкие смотровые щели. Теперь поразить глаза было не проще, чем достать укрывшегося за броней танкиста. Остроумно, ничего не скажешь.

Выигранными секундами следовало правильно распорядиться. Я схватил за руку инсургентку и тоже кинулся бежать. Черт, она едва на ногах стоит!

— Быстро, быстро, коли жизнь дорога. Шевели ножками, звезда шансона! — не слишком-то вежливо подбодрил я ее. Та не проронила ни слова, но явно была испугана не меньше других. Обратив ко мне смертельно бледное лицо, она смотрела так, словно умоляла не бросать. Алиса, принцесса и очкастая отличница уже отбежали ярдов на двадцать, выскочили на песок и в панике завертели головами, не зная, куда спастись дальше.

Можно было ручаться, что незванный гость не сможет держаться на воде, особенно, если прикинуть его вес — уж не меньше восьми, а то и десяти длинных тонн, если судить по тому, как

раскачивались сосны в два обхвата. Беда в том, что и из нас двое совершенно не умели плавать. Повторить вчерашний подвиг? Но я даже на двадцать шагов не успею отбуксировать двух девушек, а чудовищу достаточно будет зайти вброд, чтобы выудить нас длинными клешнями. Нет, этот вариант отпадает. Глянув вправо и влево, я выбрал, и заорал, размахивая свободной левой рукой — в правой была зажата холодная кисть волочившейся за мной спотыкающейся и шатающейся инсургентки.

— Направо, направо бегите!!! Вон за тем мысом, похоже, река! Слышите, шумит? Если переберемся — он отстанет, может быть!

— Спасите!.. — поддержала меня Алиса и припустила со всех ног, так что песок полетел. Отличница, придерживая очки, неуклюже побежала следом, а вот принцесса оглянулась и в нерешительности замерла. Как пить дать, вспомнила о долге сеньора перед вассалом, о том, что бросать одного неблагородно и не подобает, и тому подобных глупостях. Самое время, конечно. Ладно, сейчас я ей придам ускорение...

— Принцесса, бросьте эту ерунду. Спасайтесь скорее!!!

— Но я не имею права!..

— Какое, черт побери, право?!

Налетев, я сцапал ее за руку, и поволок за

собой, едва не сбив с ног. Черт, она еще и упирается.

Брунгильда, бросив мгновенный взгляд через плечо, догадалась, в чем дело и крикнула:

— Бегите, госпожа, я за вами!

— Н-ну... хорошо... — принцесса поколебалась еще секунду, потом вырвала руку и все же побежала. Даже сейчас я не мог не восхититься: оборванное платье не стесняло движений, и длинные ноги несли ее легко, словно лань. Мне с задыхающейся инсургенткой на буксире было за ней не угнаться. Однако мы уже выскочили на песок и тоже устремились вдогонку. Убедившись, что Алиса и отличница бегут куда нужно, я вывернул голову, чтобы понять, что творится позади.

Понимая бесполезность стрельбы, и не желая тратить последние патроны, телохранительница отступила так, чтобы между ней и чудовищем оказался костер. Когда до противника осталось ярдов десять, Брунгильда вдруг выхватила из огня толстый полыхающий сук и запустила в него. Брызнули искры, тот опять затормозил и чуть подался назад. Но, увы, всего лишь на пару секунд. Длинная клешня внезапно вытянулась вперед, к маленькой фигурке в черно-белой униформе горничной, и щелкнула. Боже мой, что за звук! Так срабатывают гидравлические ножницы для резки

стального листа. На мгновение меня пронзил ужас — показалось, что девушку перерезало пополам. Нет, к счастью, это оказалась лишь затесавшаяся среди сосен небольшая елка, с которой мы ломали веточки на растопку. Елка мгновенно рухнула, но Брунгильда, одним прыжком оказавшись слева от чудовища, яростно выкрикнула, стремительно смещаясь по кругу и забегая ему сзади:

— Сюда!..

Рискованный маневр увенчался успехом — гигантский клоп потерял девушку из виду. Что там вообще можно увидеть в такие щелочки? Он завертелся на месте, пытаясь высмотреть слишком шустрюю жертву. К сожалению, вертелся он на удивление ловко для своих размеров. Совершив всего пару оборотов, он все засек девушку и кинулся на нее. Донесся глухой удар, снова бешено затряслись ветки — Брунгильда опять заставила противника налететь на сосну. На этот раз он действовал настолько яростно, что ствол не выдержал и треснул. Что же будет дальше? Пока они в бору, среди толстых сосен, все не так плохо, стремительная фехтовальщица имеет преимущество. Проблема в том, что принцесса уже оглядывается на каждом шагу, вот она уже остановилась, всматриваясь назад... Черт, все по-новой.

— Что там происходит?

— Бегите, бегите, ваше высочество, иначе доблесть вашей воительницы пропадет напрасно.

— Оставьте этот тон, — резко отбрила она, — Вы думаете, я готова жертвовать своими людьми, словно пешками?!

Ну вот, приехали.

— Валькирия танцует с чудищем, чтобы спасти вас. Когда сочтет, что достаточно задержала, догонит. На вашем месте я бы в этом не сомневался!

— Но...

— Ага, вот и она!

Похоже, Брунгильда достаточно хорошо знала характер госпожи. Не промедлив лишней секунды, она мелькнула между сосен, сделав недвусмысленный жест — «вперед».

— Видите? Не упрямитесь, ваше высочество, доверьтесь ей.

Сердито фыркнув, Грегорика все же не стала заставлять просить дважды, и снова припустилась за мелькающими ярдах в пятидесяти впереди девушками. Если бы она не останавливалась, то была бы уже практически в безопасности.

Ну, по крайней мере, я на это надеялся. До врезающегося в озеро скального кряжа, сложенного покрытыми лишайниками и обточенными непогодой гранитными скалами, за которые узловатыми корнями намертво цеплялись

разлапистые сосны — совсем не такие как в бору — оставалось еще с четверть мили. Пока Брунгильда умело отвлекает чудовище от нас, но, если мое предположение окажется неправильным, и за кряжем вовсе нет никакой реки, нам придется плохо. Я беспокойно прислушался, но нарастающий шум воды, доносящийся спереди, давал основание для надежды. Такой гул может издавать только мощный порог, а общий рельеф местности — подпруженное озеро с едва заметным течением — подтверждал, что еще не все потеряно. Вот только инсургентка с каждым шагом все медленнее переставляла ноги и хрипела, задыхаясь. Девушка опять споткнулась и упала, едва нее заставив меня вырвать ей руку из сустава. Черные крутые локоны, теперь полные песка и сосновых иголок закрыли лицо.

— О... оставьте меня... — прохрипела она, — Я... не заслужила...

— Вот только не надо этого, — прорычал я, и силой поставил ее на ноги. Она качнулась, готовая упасть, но я нагнулся, просунув руку между бедер, и выпрямился, уже подняв ее на плечи. Если не ошибаюсь, так таскают спасенных из огня пожарники. Чем я хуже, спрашивается? Конечно, мне повезло больше, чем отважному брандмейстеру, вырвавшему из пламени костлявого дедушку или увесистую бабушку. Инсургентка

хрупкого телосложения оказалась не слишком тяжелой, а прижавшаяся к моему плечу нежная грудь лишь повышала энтузиазм. В экспедициях мне довелось потаскать достаточно мешков, чтобы наслаждаться приятной разницей.

Впрочем, шутки в сторону. Всего несколько десятков шагов — и пот уже заливал мне глаза, дыхание с хрипом рвалось из груди. Треск и тяжелый топот уже чудовища доносились из чащи по правую руку — оно гнало Брунгильду едва ли не быстрее нас, да, к тому же, по лесу и расстояние было несколько меньше. Скальный кряж был совсем близко, девушки уже взобрались футов на пятнадцать вверх по крутому обрыву, цепляясь за корни и трещины в граните. Сзади хлестнул предостерегающий оклик. Оглянувшись, я увидел спрыгнувшую на песок Брунгильду и, буквально в десятке ярдов за ее спиной — растопыренные щелкающие клешни. Панцирный клоп вылетел на пляж из прибрежных зарослей, проложив широкую просеку, а инерция занесла его в воду по брюхо. Разбрызгивая воду и песок, он развернулся, снова поймал нас глазками-щелочками, и ринулся вдогонку.

— Скорей!

Я с разбегу, наступив на выступ гранита, прыгнул на шершавую стену, рассеченную несколькими глубокими трещинами. Был бы

ящерицей, мигом нырнул бы туда. Уцепиться, как следует, мешала необходимость придерживать сползающее с плеч тело, но я все же вытянул руки вверх, отчаянно ухватившись за змеящийся из трещины сосновый корень. Сзади ударил выстрел — видимо Брунгильда прибегла к крайним мерам, прикрывая мое неловкое скалолазное восхождение. Оглядываться времени не было, и мне осталось просто рваться вверх, рыча сквозь зубы, перехватывая корень и изо всех сил отталкиваясь ногами. Получилось — я преодолел несколько метров, когда по ушам резанул крик:

— Берегись, снизу!

Я вовремя подтянул ноги — прямо под подошвами в гранит врезалась зазубренная клешня, размочалив корень, по которому я лез. Сотрясение вызвало небольшой камнепад, и просвистевший слева валун лишь чудом не угодил мне в голову. Вжав подбородок в грудь и не глядя по сторонам, я цеплялся и подтягивался, цеплялся и подтягивался. Осталось совсем чуть-чуть — верхний край скалы был уже на расстоянии вытянутой руки. Если бы еще не обмякшее тело на плечах... нет, я не успею. Силы кончились. Чудовище расплющит нас ударом второй клешни, оставив только кровавую кашу.

— Давай ее, быстреей!..

— Ну же!!!

Подняв лицо на голоса, я увидел протянутые

сверху руки девушек. Брунгильда, каким-то чудом уже оказавшаяся наверху, принцесса и Алиса с очкастой отличницей, перегнувшись через кромку скалы, схватили инсургентку за что попало — кто за руку, кто за ногу, кто за платье — и одним рывком вытянули наверх, на плоскую вершину.

Внезапно исчезнувший груз наполнил ощущением невероятной легкости. Я напряжился, чтобы подтянуться в последний раз и перевалиться в безопасность, но новый выкрик Брунгильды вовремя предостерег меня.

— Голову вниз!

Стоило инстинктивно пригнуться, как прямо по волосам шурхнуло, обдав ветром, и тяжелый удар клешни начисто обрубил спасительный корень и выбил фонтан гранитной крошки. Корень потерял верхнюю опору и отвалился от скалы, падая по дуге назад. В груди замерло, и я сжался, ожидая удара спиной о гранит шестью или семью ярдами ниже, но практически немедленно стукнулся о твердую гладкую поверхности — почти не больно. Выпустив судорожно стиснутый корень, я покатился и инстинктивно вскочил, не понимая, что происходит. Земля резко ушла из-под ног, проворачиваясь вокруг. Так бывает, когда голова закружится после карусели. Свалившись обратно и распластавшись на широкойдвигающейся площадке, я, наконец-то, догадался. Под ногами

была не земля, а плоская верхняя крышка панциря чудовищного клопа. Когда повисшая на скале прямо перед носом жертва внезапно пропала, он удивленно замер, а потом затоптал суставчатыми ножками, поворачиваясь вокруг оси и пытаясь рассмотреть, куда же подевалась добыча. Сколько времени у меня осталось, пока чудище осмотрится, и не найдя меня на земле, догадается, что у него появился пассажир? И что мне тогда делать? Поймав взглядом испуганные лица следивших за мной со скалы девушек, я невольно посмотрел выше и... решительно вскочил на ноги. Почувствовав неладное, чудовище мгновенно замерло, но я уже разбежался, оттолкнулся из всех сил и прыгнул вверх. Длинная ветка разлапистой сосны, отчаянно вцепившейся корнями в самый край гранитного утеса, качнулась под моим весом, но выдержала. Чувствуя под ладонями гладкую чешуистую кору, я подтянулся, закинул ногу и застыл, покачиваясь вместе с пучками длинных иголок и уже раскрывающихся зеленых шишек. Аромат смолы и хвои странно успокаивал, и я вдруг понял, что все будет хорошо.

Озадаченный панцирный клоп повертелся прямо под веткой, но, не найдя меня, снова развернулся к скале и неуклюже попытался взобраться. Кривые роговые когти на концах членистых ножек заскребли по граниту, но

преграда была явно непреодолимой. Опустившись обратно, клоп помедлил еще пару мгновений, а потом резко взял с места, целенаправленно устремившись вдоль уходящего в лес гранитного кряжа. С моей ветки было прекрасно видно, что высота скалы постепенно уменьшается — скоро преследователь найдет дорогу на вершину кряжа и опять пожалует в гости. Но у нас будет фора в несколько минут.

Перехватывая ветку руками и раскачиваясь, точно орангутанг, я преодолел отделявшие от обрыва три ярда и спрыгнул на надежную каменную твердь. Деловито отряхнул слипающиеся от смолы ладони.

— Золтик, ты жив! — Алиса прыгнула мне на шею и повисла, вцепившись руками и ногами. — Я... я думала, он тебя убьет!..

— Не предупреди меня Брунгильда, пришлепнул бы, как комарика. Я снова ваш должник, — глядя поверх алисиной макушки, я благодарно улыбнулся. Телохранительница лишь равнодушно пожала плечами.

— Поспешим. Времени мало.

— В точку. Чудище упорное, как страховой агент. Но пока оно ищет дорогу наверх, надо быстро-быстро сматываться. Скорее!

Не потратив даже секунды на то, чтобы охватить взглядом великолепную панораму озера и

ограждающих его гранитных взлобков, перемежающихся песчаными пляжиками, я подскочил к инсургентке, бессильно опершейся спиной о сосну.

— Можете идти?

— Н-не... не знаю... я...

— Ладно, тогда продолжим.

Я вновь поднял ее на плечи и тяжело побежал от обрыва. Благо, что здесь кряж не обрывался стенкой, как на другую сторону, а опускался плавными гранитными ступенями, покрытыми лишайниками. Всего ярдах в тридцати ступени пропадали в кипени буйно разросшейся бузины. Увешанные тяжелыми алыми гроздьями ветки сплетались так густо, что глаз не мог проникнуть сквозь них, но именно оттуда, из зарослей доносился мощный гул воды. Протока была совсем рядом!

Набычившись и прикрыв глаза, я протаранил заросли, хрустя ветками и отплевываясь от паутины и листьев. Девушки отстали, ведь босиком пробираться по зарослям было труднее, чем мне. Еще немного, еще немного... уже и светлеет, значит, открытый берег буквально в двух шагах. Осталось отогнуть последние ветви...

Я замер, как вкопанный, в последнюю секунду, судорожно ухватившись за тонкий ствол бузины. Инстинктивно качнулся назад, не устоял, и

с хрустом сел обратно в заросли, заморожено глядя вперед.

Нет, я не ошибся. Протока оказалась именно на том месте, где я и предполагал... вот только лежала она на сто ярдов ниже. Прямо под ободранными носками моих туфель распахнулось огромное пространство, заполненное клубящейся водяной пылью.

Заросли обрывались в запертую титанической плотиной громадную котловину, на дне которой шумела и пенилась вода. Ярдах в пятидесяти левее точки, где мы выскочили на обрыв, громоздился гребень изогнутой наподобие лука замшелой бетонной стены, рассеченной вертикальными прорезями и каналами. Верхняя кромка плотины была выщерблена и проломлена в двух местах, и оттуда не спеша переливалась вода из озера, тонким слоем скатываясь по высокому крутому откосу. Большая же часть потока рвалась из водопропускных лотков в нижней правой части плотины, образуя далеко внизу kloкочущий котел из белых бурунов. С боков котловину запирали отвесные гранитные стены, на зазубренных уступах которых едва хватало места притулиться редким кустикам и пучкам травы. Спуститься здесь, не имея крыльев, было попросту невозможно.

Быстрый взгляд направо доказал, что отвесные скалы уходят далеко вниз по течению,

практически не теряя в высоте до левого поворота ущелья. На полпути до поворота, ярдах в трехстах от нас, через ущелье был перекинут высокий железнодорожный мост. Его поддерживали два сложенных из гранитных глыб высоких и тонких быка, у подножия которых далеко внизу бурлила река. На противоположном берегу ржавые фермы моста упирались в скалу, где чернело широкое отверстие тоннеля.

Сзади захрустело, и по проложенной мною в бузине тропе вывалились исцарапанные и разгоряченные девушки. Больно было смотреть на выражение их лиц, когда они одна за другой понимали, что дорога к спасению отрезана.

— Куда же нам деваться? — дрожащим голосом спросила Алиса, с ужасом меряя взглядом высоту распахнувшегося под ногами обрыва. — Может быть, к мосту?...

— Но чудовище как раз там нас и ждет, — ответила принцесса. — Слышите?

Действительно, сквозь гул воды справа донесся отдаленный треск — сквозь заросли ломилось массивное тело.

— На плотину, больше некуда. За мной! — скомандовал я, поднимаясь на ноги.

В самом деле, от того места, где арка плотины соединялась с береговым гранитом, нас отделяли какие-то полсотни шагов, пусть и по густым

зарослям.

— Но ведь там, на плотине... — заикнулась отличница, поправляя перекошенные очки.

— Вперед! — подтолкнула ее Брунгильда, прислушиваясь к нарастающему треску.

Проломившись через бузину и чертополох, я перелез поваленную проржавевшую металлическую ограду и побежал по бетонной дорожке, ведущей по гребню плотины. По левую руку гладкая и спокойная поверхность озера курилась утренним туманом ярдах в пяти ниже верхнего уровня парашюта; справа разверзалась пропасть, куда было страшно смотреть. Ноги отчетливо передавали легкую дрожь массивного тела плотины, а облако водяной пыли кружилось и мерцало в тени котловины, прикрывая рвущиеся из правой нижней части плотины чудовищные потоки, заполнявшие половину нижнего ущелья пеной и водоворотами. Разительный контраст зеркальных вод озера слева и бешеной стихии в каньоне справа заставлял мурашки бегать по коже.

По ровному бетону девушки снова обогнали меня. Алиса и отличница, пыхтя, побежали вперед. Брунгильду я не видел, судя по всему, она осталась позади, в арьергарде, а вот принцесса притормозила и держалась рядом, участливо поглядывая, как я обливаюсь потом под весом полубесчувственной инсургентки.

— Может быть, я смогу помочь? Если мы поведем ее под руки...

— Бросьте... ваше высочество... так в два раза быстрее... — с трудом выдохнул я, заставляя трясущиеся ноги делать шаги пошире. — И потом... недолго осталось...

— Что значит, «недолго»?

— А вон... смотрите.

Действительно, вырвавшиеся вперед девушки, пробежав примерно половину расстояния до противоположного берега, замерли, как вкопанные. Когда мы их догнали, все стало кристально ясно: весенние паводки за долгие годы размыли гребень бесхозной плотины, образовав проран глубиной около пяти и шириной — с десятков ярдов. Сейчас, на исходе лета, уровень верхнего бьефа стоял невысоко, и вода лишь плавно переливалась через край прорана, устремляясь вниз по наклонному внутреннему склону плотины нешироком гладким водоскатом. Его шум полностью тонул в чудовищном реве воды, рвущейся через водоводы в нижней правой части плотины — очевидно, через бывший турбинный зал.

Дорога снова оказалась отрезана.

— И зачем мы сюда бежали?! — со слезами на глазах спросила Алиса.

Словно в ответ, сзади раздался крик. Мы повернулись и увидели со всех ног бегущую к нам

по гребню Брунгильду. За ее спиной бешено закачались ветки, и возникла громоздкая туша панцирного клопа. Он с хрустом проложил просеку через заросли бузины, своротил железную оградку и ринулся на нас, хищно растопырив клешни и грохоча когтями по бетону.

— Мамочка!..

Дрожащая Алиса в ужасе попыталась спрятаться за моей спиной, толкнув так, что я чуть не свалился с ног. Принцесса, бледная, но выглядящая удивительно спокойной, поймала ее и прижала к себе. Черноволосая отличница бессильно опустила на колени, закрыв лицо руками.

— ...Спокойно! Без паники! — прохрипел я. — В воду все, быстро! Алиска, ты же прыгала с пятиметровой вышки. Давай! Покажи пример.

Она оторвалась от груди принцессы и глянула на меня расширенными от страха глазами:

— Но ведь там, внизу!..

— Ничего не «но»! Прыгай, давай, коза! Ваше высочество, дайте-ка ей пинка!

Сердито зыркнув на меня, принцесса все же согласилась:

— Господин Немирович прав, это единственный способ спастись. Прыгайте, Алиса. Мы с Вёсной¹ за вами.

---

¹ Имя героини имеет сербские корни, ударение ставится на

Весна?... Это кто такая? А-а-а, черноволосая отличница. Оказывается, принцесса уже знает ее по имени.

— Я не умею плавать! — всхлипнула та, не отрывая рук от лица.

— Ничего, я помогу, — принцесса твердой рукой поставила ее на ноги и потащила к краю плотины, одновременно подталкивая Алису. Быстро оглянулась на меня и Брунгильду, которой осталось пробежать до нас ярдов сорок. Кажется, телохранительница снова пыталась задержать чудовище, но увернуться от клешней на узком гребне было невозможно, поэтому ей ничего не осталось, как выстрелить в последний раз и спастись бегством.

— И-и-и-и!!! — синхронный взвизг и всплеск ознаменовал решительные действия принцессы. Не тратя время на уговоры, она сильно толкнула девушек в спины, и все трое свалились вниз. Не медля больше, я спустил инсургентку на бетон, поставив перед собой. Крепко встряхнул и крикнул в смертельно бледное лицо:

— Эй, слышите меня? Задержите дыхание, мы прыгаем в воду! Понятно?

Мутные глаза с трудом сфокусировались на

мне, но, судя по тому, что она заторможенно кивнула, девушка все еще была в сознании.

— Хорошо. Раз, два — три!

Прижав ее к себе, я шагнул в пустоту. Сценическое платье знакомо затрепетало на ветру, но полет оказался коротким, не то, что раньше. Плюх!

Холодная вода сомкнулась над головой, и пришлось изо всех сил грести ногами, чтобы поскорее вернуться к свету наступающего утра. Едва я сморгнул воду с ресниц и постарался повыше поднять голову инсургентки, как рядом снова плеснуло — Брунгильда нырнула изящнее всех — с разбегу, безупречной «ласточкой».

Упершись рукой в осклизлую, покрытую скользкими водорослями внешнюю стену плотины, я поднял голову. Вынырнувшие девушки тоже. Наверху, на фоне уже совсем светлого неба, возник край панциря. Снова оставшееся без добычи чудовище высунулось и выставило глазки из щелей панциря, рассматривая нас, но, к счастью, желания лезть в воду не проявило. Потоптавшись на гребне и издав полный разочарования утробный рык, оно попыталось достать до уровня воды левой клешней, хотя было видно, что та коротковата.

— Фу-у-х, все-таки не умеет гад плавать, — с облегчением пробормотал я.

— Ему стоило только прыгнуть, чтобы нас

расплющить, — переводя дыхание, согласилась принцесса, вместе с Брунгильдой поддерживая на поверхности жадно глотающую воздух отличницу.

— Это отлично, но теперь нас несет!.. — простонала Алиса, бурно шлепая руками и ногами по воде. Увы, это было бесполезно. Мы спрыгнули примерно ярдах в пяти от края прорана, и медленное, но необоримое течение подхватило всех, увлекая к перегибу, за которым низко и мощно грохотала вода, и светилось только чистое небо.

— Держитесь друг за друга! Здесь поток не такой сильный. Главное — внизу как можно быстрее выплыть к левому берегу. Если затянет вправо — конец!.. — успел прокричать я, когда стремнина, все ускоряясь, понесла нас в проран. Прижав к левому боку инсургентку, так, что ее голова упала мне на плечо, я поймал за талию и притянул к себе справа Алису. Сзади за брючный ремень меня крепко схватила чья-то сильная рука. Оглянувшись, я увидел перепуганную отличницу, в которую с двух сторон вцепились Брунгильда и принцесса. А потом мы ухнули вниз.

Нижнее ущелье мгновенно открылось во всей своей грозной красе, сердце прыгнуло к горлу, а в ушах завыл ветер. Воротник рубашки бешено затрепетал, шлепая по щекам. К счастью, плотина была довольно покатой, а поток уже успел

выточить в бетонном склоне неглубокий желоб, покрытый скользким ковром сине-зеленых водорослей. Толщина слоя воды в нем не достигала и пары футов, поэтому это походило не на водопад, а на водяную горку. Тем не менее, просвистеть по ней пришлось ярдов сто пятьдесят, и скорость, с которой нас выбросило в нижний бассейн, мгновенно превратила все в кучу малу.

Вокруг взбурлила белоснежная пена, чудовищный гул, равный которому, наверное, можно услышать, только засунув голову в стиральную машину, заставил грудь гулко резонировать. Меня несколько раз перевернуло через голову, чье-то твердое колено с маху приложило в глаз. Алису мгновенно вырвало у меня из рук, а инсургентку я сумел удержать, только быстро обхватив ногами. Открыв глаза, я увидел высоко над головой свет, дробящийся и играющий в мириадах пузырьков. Гул воды заполнил собой вселенную, нарастая, поглощая собой все сущее. Моя бессильно протянутая вверх рука на фоне искрящихся, переливающихся перламутром пузырьков казалась слишком грубой, толстой и материальной. В самом деле, что стоит эта беготня, эта возня и приложение усилий, по сравнению с миром бесконечной слепящей белизны?...

Медленное и плавное вращение пронесло рядом чью-то зыбкую, переливающуюся от

рефракции фигуру, и мои пальцы, будто сами собой, сомкнулись на тонкой щиколотке.

Кипящий вал выплюнул нас на поверхность метрах в двадцати ниже слива, и прямо передо мной, глаза в глаза, вынырнула принцесса. Оказывается, рыбка была золотая.

Она мотнула головой, отфыркиваясь, и потемневшие мокрые волосы хлестнули меня по лицу. Расширенные страхом зеленые глаза моргнули, не узнавая, потом все же сфокусировались. Принцесса схватила меня за плечи, а я выпустил ее ногу и снова, как в танце, поймал за талию. В левое ухо закашлялась инсургентка, и, убедившись, что она дышит, я поднял ее голову повыше над водой, повернулся к принцессе и светски поинтересовался:

— Ну, как вам утренний душ с отбеливанием, ваше высочество?

По ее губам скользнула тень улыбки.

— Вам все бы шутить, господин Немирович.

— Виноват. Но вы ведь не будете предлагать поплакать?

— Ни в коем случае. Воды здесь и так избыток. Кстати, где остальные?

— Позади вас, ваше высочество. Кажется, Брунгильда успешно вытащила госпожу Госпич. Та держится уверенно, да и Алиса им помогает. Главное, чтобы не засветила кому-нибудь так же,

как мне.

— Боже, да у вас глаз заплывает! А почему вы решили, что это она? Нас так вертело и кидало, я тоже об кого-то ударялась.

— Спорю на двадцать марок, абрис синяка будет в точности соответствовать ее костлявой коленке. Хотя для точности эксперимента можно провести тотальное сравнение... ну, ладно, шутки в сторону. Давайте работать ногами, ваше высочество. Нужно выбраться на левый берег, иначе нас затащит в такую мясорубку, что этот спуск покажется купанием в любимой домашней ванне.

Действительно, течение быстро уносило нас от нижнего бьефа плотины вдоль отвесной скалы левого берега по относительно спокойно и ровно текущему быстротоку. Справа же гремели и бесновались чудовищные водяные потоки, рвущиеся из нижней части плотины. Даже отголоски кружащих там котлов и водоворотов немилосердно швыряли и притапливали нас. Еще метров сто, и нам не поздоровилось бы — идущие через плотину слева и справа потоки воды сливались, и во всю ширину ущелья вставали громадные водяные валы, уносящиеся за поворот среди все таких же безнадежно отвесных и отполированных водой гранитных стен. Бог знает, где берега понизятся, а течение ослабнет настолько,

что удастся выбраться из воды. Затянутых в мощный и бурный поток вымотанных и замерзших, а, тем более, не умеющих плавать пловцов ждала одна судьба — истратить все силы в напрасной борьбе и захлебнуться. Да, называется, из огня да в полымя.

Но у нас еще оставалось несколько минут, пока склоняющееся с левому берегу течение не успело влиться в бешено несущиеся справа струи.

— Гребем, быстрее! — кричал я, чтобы слышали Брунгильда и Алиса, борющиеся с волнами в нескольких метрах позади. Принцесса тоже оценила ситуацию и принялась изо всех сил работать ногами вместе со мной. Отягощенные грузом находящейся в прострации инсургентки, мы сдвигались поперек потока с болезненной медлительностью, ныряя и отфыркиваясь, когда головы накрывало очередной пришедшей справа шальной волной.

Наконец, над самой головой оказался осклизлый, обросший водорослями гранит, и рука принцессы бессильно заскользила по камню — зацепиться было не за что, вода давным-давно сточила все выступы и неровности.

— Что же делать?! — отчаянно воскликнула она. — Не получается... я не могу... не могу удержаться!

— Без паники, — успокоил я, хотя уверенный

голос давался с трудом. — Когда мы бежали по плотине, я видел сверху какую-то дыру... ага, вот она!

Гранитная скала неожиданно изломилась острым углом, нас швырнуло в вертящийся за ним глубокий водоворот и утопило. Я отчаянно вцепился в спутниц, но стремительное кувыркание, как после водоската, здесь не повторилось. Мы совершили лишь несколько быстрых, но плавных оборотов вокруг вертикальной оси, словно в вальсе. Потом нас выплюнуло на поверхность, задыхающихся и жадно хватающих воздух. Но — о счастье! — мы оказались в узком треугольнике противотока за скальным выступом, и теперь течение медленно несло нас в противоположном направлении буквально на расстоянии вытянутой руки от широкого жерла тоннеля, выходящего из скального монолита под углом к основному руслу.

— Вперед!..

Несколько отчаянных гребков — и мы, наконец, почувствовали под ногами надежную каменную твердь. Когда над головами навис портал тоннеля, я протащил инсургентку еще немного вглубь и торопливо попросил принцессу:

— Подержите голову, чтобы не захлебнулась. Я сейчас.

Грегорику кивнула и подставила плечо, а я развернулся и, тяжело тараня воду, бросился

обратно. Наших оставшихся спутниц как раз проносило поперек портала. На телохранительнице висели выбившиеся из сил отличница и Алиса, поэтому даже самые отчаянные ее гребки ногами едва продвигали троицу к спасительной цели. Помогло только то, что течение здесь замедлилось, медленно вращаясь в образованном углом скалы улове. Брунгильда протянула руку, наши пальцы сплелись, и я почти лег на спину, толкаясь ногами и волоча девушек за собой под гулкие своды.

Дно широкого круглого тоннеля плавно повышалось, и, если у обреза мне было по грудь, то ярдах в десяти дальше темная спокойная вода плескалась по щиколотку, а еще дальше начиналось сухое дно. Диаметр забетонированной трубы составлял метров семь, не меньше, и плеск и кашель, с которым мы на четвереньках, волоча неподъемные ноги, ползли из воды, наполнили тоннель долгим множественным эхом.

Первым делом я взялся приводить в чувство инсургентку. Ее опять тошнило проглоченной за время сумасшедшего плавания водой, но она явно была жива и дышала — уже хорошо. Поддерживая сотрясаемое спазмами тело, я оглянулся на остальных. Алиса и отличница — как ее назвала принцесса, Весна? — тоже бессильно распростерлись на холодном бетоне, кашляя и отплевываясь. Надо полагать, нахлебались не

меньше. Принцесса заботливо склонилась над ними, а Брунгильда, наоборот, встала и решительно двинулась обратно в воду. Остановившись за несколько шагов до обреза портала, она принялась всматриваться куда-то вверх. Когда инсургентка задышала ровнее, я тоже поднялся, качнулся, едва удержав равновесие, и присоединился к телохранительнице.

— Где он? Вы видели?

Она молча указала рукой. Прищурившись, я рассмотрел, как торчащие далеко вверху из-за обреза противоположной скалы кусты закачались из стороны в сторону и успокоились. Чудовище явно отказалось от мысли повторить наш безумный прыжок и отправилось восвояси.

— Ага, испугался. Логично — его бы унесло вниз без остановки, даже если он умеет плавать.

Брунгильда покосилась на меня и вдруг негромко заметила:

— Думала, ты решил покончить самоубийством. Это было опасно.

— Но что еще оставалось? К тому же, я увидел тоннель сверху и решил рискнуть. Знать бы еще, куда он ведет.

— Удивительно, что отсюда тоже не хлещет вода, — добавила подошедшая сзади принцесса. Поражаясь буйству стихии под правой частью плотины, она ошеломленно покачала головой. —

Никогда бы не смогла представить себе такую мощь. Там, справа... плотина треснула или случилось что-то еще?

— Надо думать, после катастрофы турбины продолжали работать, но за прошедшие годы роторы разболтались. Рано или поздно их прорвало и снесло с фундаментов. Вода разрушила турбинный зал и теперь просто бьет через напорные водоводы напрямую. Перепад высоты большой, а озеро — огромный резервуар. Видимо, расход воды здесь и раньше, до того, как построили гидроэлектростанцию, был очень большим.

— А те дыры в плотине наверху? — указала она на пролом, в который мы скатились. Следом за ним виднелся еще один такой же, прежде чем гребень плотины упирался в левый берег.

— Скорее всего, это получилось в половодье, когда вода пошла вверх, через гребень. Повезло, что мы не попали в такое время — выплыть было бы невозможно.

Передернув плечами, принцесса обернулась, вглядываясь в теряющееся во тьме жерло тоннеля.

— Почему же он сухой? Зачем нужна такая труба, если не для воды?

— Осмелюсь предположить, что через тоннель отводили воду, пока строилась главная плотина. Потом его наверняка закрыли, чтобы поднять уровень озера, и с тех пор не использовали.